

ЗАБВЕНИЕ ПАХНЕТ — КОРИЦЕЙ —

Сага о семье и любви, сквозь расстояния и поколения.
Marie Claire

• КРИСТИН ХАРМЕЛЬ

Кристин Хармель

Забвение пахнет корицей

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8738694

*Забвение пахнет корицей / Кристин Хармель ; [пер. с англ. Е Мигуновой].: Синдбад; Москва; 2014
ISBN 978-5-905891-52-6*

Аннотация

Тридцатишестилетняя Хоуп, когда-то мечтавшая о профессии юриста, вынуждена спасать от разорения доставшуюся по наследству семейную кондитерскую в небольшом городке недалеко от Бостона. В ее жизни наступил трудный период: умерла мама, ушел муж, после развода осложнились отношения с дочерью-подростком и, в довершение ко всему, любимая бабушка – ее последняя опора – тяжело заболела, теряет память.

Понимая, что не имеет права унести с собой тайну, которую хранила более семидесяти лет, бабушка просит внучку исполнить ее последнюю волю и отправиться в Париж... Так начинается знакомство Хоуп с историей своей семьи.

В этом путешествии через расстояния и поколения путеводными звездочками для Хоуп становятся памятные с детства семейные секреты выпечки, которые открывают перед ней не только двери, но и сердца незнакомых людей, помогая по крупицам воссоздать невероятную историю любви длиной в жизнь. Любви, победившей войну и смерть. Это путешествие помогает Хоуп обрести себя и понять, что на самом деле счастье – совсем рядом.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	34
Глава 6	40
Глава 7	44
Глава 8	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Кристин Хармель

Забвение пахнет корицей

Моим уэйнмутским бабушке и дедушке

Kristin Harmel

The Sweetness of Forgetting

Copyright © Kristin Harmel, 2012

This edition is published by arrangement with

The Waxman Literary Agency and The Van Lear Agency

Перевод с английского Елены Мигуновой

Глава 1

*От одной крови Он произвел весь род человеческий...
Деяния св. апостолов, 17:26*

*Свеча одного – свет для многих.
Талмуд, трактат ШАББАТ, раздел Мозд*

*Все творения Всевышнего – семья Его,
и того больше всех возлюбил Аллах,
кто больше сотворит добра для творений Его.
Пророк Мухаммед*

Улица за окном кондитерской тиха и пустынна. За полчаса до рассвета, когда заря тонкими пальцами едва касается горизонта, мне почти верится, что на Земле нет ни одного человека кроме меня. Сейчас сентябрь, после Дня труда миновало полторы недели. Это означает, что из городков, раскиданных по всему полуострову Кейп-Код, туристы разъехались, бостонцы покинули летние дома до следующего сезона, а улицы обезлюдели, словно в дурном сне.

Листва начинает менять цвет и еще через пару недель, думаю, запольхает всеми оттенками заката, хотя мало кто едет в наши края любоваться осенними листьями. Ценители красивой осени предпочитают Вермонт, Нью-Гемпшир или Беркширские горы в западной части нашего штата, где дубы и клены пламенеют, окрашивая мир огненно-красными и желто-рыжими красками. А на Кейпе вне сезона затишье. Дни будут становиться все короче, трава на дюнах подернется тусклым золотом, огромными стаями соберутся на отдых по пути из Канады перелетные птицы, болото выпцветет до акварельных тонов. А я буду любоваться всем этим, как люблюсь всегда, из окна кафе-кондитерской «Полярная звезда».

Всегда, сколько себя помню, я считала это принадлежащее нашей семье заведение своим домом – его, а не маленький желтый коттедж у залива, где я выросла и куда пришлось вернуться теперь, после развода.

Пока я балансирую, пытаюсь одновременно открыть дверь ногой, удержать на весу два громадных лотка с коричневыми булочками и поглядывая на входную дверь кафе, это слово – развод – звоном отдается у меня в ушах, в очередной раз напоминая мне, что я – никчемная неудачница. Задвигаю булочки в духовку, извлекаю противень с круассанами и бедром захлопываю дверцу, а в голове крутится: вот ведь как бывает – надеешься получить от жизни всё, а в результате только хлопот полон рот. В моем случае – полные руки, в буквальном смысле.

Я так мечтала сохранить семью. Ради Анни. Не хотелось, чтобы дочка росла в атмосфере родительских дразг, отравившей мое собственное детство. Она достойна лучшего, думала я. Но жизнь вечно нарушает наши планы, не так ли?

Звякает входная дверь – я как раз снимаю с противня слоистые, масляные круассаны. Бросив взгляд на таймер второй духовки – ванильным капкейкам осталось печься всего шестьдесят секунд, – я медлю и не спешу открыть дверь.

– Хоуп? – слышится из-за двери низкий голос. – Ты здесь?

Я облегченно вздыхаю. По крайней мере, кто-то знакомый. С другой стороны, чему тут удивляться? Из тех, кто остался в городке после того, как схлынули туристы, я знаю всех и каждого.

– Погоди минутку, Мэтт! – отзываюсь я.

Натягиваю рукавицы-прихватки – ярко-голубые, с вышитыми по краям кексами, их подарила мне Анни в прошлом году на тридцатипятилетие – и вынимаю капкейки из духовки. Сладкий аромат на миг переносит меня в детство. Моя Мама (так французы обращаются к бабушке) открыла кафе-кондитерскую «Полярная звезда» шестьдесят лет назад, пару лет спустя после того, как они с бабушкой переехали на Кейп-Код. Здесь я росла, здесь, сидя у нее на коленях, училась печь, пока она терпеливо объясняла мне, как замешивать тесто, почему оно подходит и как из самых обычных и более редких продуктов получаются волшебные сладости, о которых из года в год с неизменным восторгом писали «Бостон Глоб» и «Кейп-Код Таймс».

Я укладываю кексы на решетку для охлаждения, а на их место в духовку отправляются два противня с анисово-фенхельным печеньем. Под них на нижнюю полку я задвигаю партию «полумесяцев»: марципановую начинку, ароматизированную флердоранжевой эссенцией и чуть сдобренную корицей, выкладываем в формочку с тестом, а потом аккуратно соединяем края.

Я захлопываю дверцу духовки и отряхиваю руки от муки. Переведа дух, устанавливаю таймер и выхожу из кухни в ярко освещенный зальчик кафе. Какие бы тягостные мысли меня ни мучили, очутившись там, я невольно улыбаюсь: прошлой осенью, когда посетителей почти не было, мы с Анни выкрасили стены кафе в цвета по ее выбору. Розовый, будто платье принцессы, с белым бордюром. Иной раз кажется, что мы живем внутри исполинского пирожного.

Мэтт Хайнс сидит на стуле у стойки и, увидев меня, с улыбкой вскакивает.

– Привет, Хоуп, – здоровается он.

Я улыбаюсь в ответ. У нас с Мэттом был детский роман в старших классах, полжизни тому назад. Все закончилось еще до того, как мы разъехались, поступив в разные колледжи. Я вернулась через несколько лет с дипломом бакалавра – бесполезным незаконченным высшим образованием на юридическом факультете, – недавно обретенным мужем и новорожденной дочкой. С Мэттом мы всегда общаемся вполне дружески. После моего развода он несколько раз приглашал меня на свидания, но я вдруг поняла – и сама удивилась этому открытию, – что мы за эти годы переросли друг друга. Он для меня – как старый свитер, который хоть и удобен, но уже вытерт, да и просто не идет. Жизнь нас меняет, пусть мы сами не замечаем, как это происходит, потому и невозможно вернуть прошедшие годы. Впрочем, Мэтт, похоже, этого не осознаёт.

– Привет, Мэтт, – я стараюсь, чтобы голос звучал нейтрально и приветливо. – Хочешь кофе? За счет заведения, раз уж тебе пришлось подождать.

И наливаю ему кофе, не дожидаясь ответа. Я точно знаю, как любит Мэтт: две ложки сахара и сливки, стакан «навынос», чтобы прийти пораньше в «Банк оф Кейп» (Мэтт – вице-президент его регионального отделения) и успеть просмотреть свои бумаги до открытия. Работает он в двух кварталах от Мэйн-стрит, поэтому разок-другой на неделе непременно к нам заглядывает.

Кивнув, Мэтт с улыбкой берет кофе у меня из рук.

– Чем еще тебя порадовать? – спрашиваю я, показывая на стеклянную витрину. Я здесь с четырех утра, и, хотя еще не со всем управилась, в витрине уже предостаточно свежей выпечки. Протянув руку, достаю маленькое пирожное – корзиночку из теста в форме листика, наполненную лимонным марципаном, сбрызнутым розовой водой с медом.

– Как насчет марципанно-розового? – Я протягиваю его Мэтту. – Я же помню, это твои любимые.

После секундного колебания Мэтт берет пирожное. Надкусывает его и жмурится от удовольствия.

– Хоуп, ты создана для этого, – бурчит он с полным ртом. Похвалить решил. Но его слова больно ранят меня: я-то никогда не собиралась всем этим заниматься. Не такой жизни я хотела для себя, и Мэтту это известно. Но заболела бабушка, умерла мама, и у меня не осталось выбора.

Я отмахиваюсь от его слов, не подавая виду, что они меня задели. Но Мэтт продолжает:

– Да, слушай, я вообще-то заскочил с тобой поговорить. Может, присядешь на секунду дочку?

Я вдруг замечаю, что улыбка у него какая-то ненатуральная. Удивительно, как это сразу не бросилось мне в глаза.

– Хм, – оглядываюсь я в сторону кухни. Коричные булочки скоро надо будет вынимать, но несколько минут, пока не звякнет таймер, в запасе есть. Посетителей в такой ранний час не предвидится. – Ладно, но только недолго.

Я наливаю и себе кофе – черный, моя третья чашка за утро – и присаживаюсь на стул рядом с Мэттом. Облокотившись на стол, я готовлюсь услышать очередное приглашение на свидание. И не знаю, что ответить. Занимаясь мужем и дочкой, я растеряла за последние годы большую часть друзей и не хочу лишиться еще и Мэтта – вот такая я эгоистка.

– Ну, что скажешь?

По тому, как он медлит с ответом, я начинаю подозревать неладное. Просто дело в том, что за последнее время я привыкла к дурным вестям. Мамин рак. Бабушкин Альцгеймер. Муж, решивший, что больше не хочет быть мне мужем. Поэтому меня застаёт врасплох вопрос Мэтта: «Как там Анни?»

Я впииваюсь в него глазами, сердце внезапно начинает бухать в груди – я судорожно соображаю, что он такого знает, а я еще не в курсе.

– В чем дело? Что случилось?

– Да я просто так спросил, – поспешно отвечает Мэтт. – Из вежливости. Для поддержания разговора.

– Уф, – выдыхаю я, с облегчением поняв, что он не принес плохих новостей. Я бы не удивилась, услышав, что мою дочь застукали за каким-нибудь мелким хулиганством вроде магазинной кражи или раскрашивания стен школы из баллончика. Девочка очень изменилась после того, как мы с ее отцом разошлись, стала нервной, обидчивой, враждебной. Несколько раз я, мучаясь виной, обыскивала ее комнату – боялась обнаружить сигареты или наркотики. Но пока что единственной переменной остается постоянная готовность Анни к ссоре.

– Извини, – говорю я, – полоса такая, все жду очередной неприятности.

Мэтт опускает голову.

– Может, поужинаем вечером? – спрашивает он. – Ты да я. Анни ведь сегодня у Роба, верно?

Я киваю. Мы с моим бывшим совместно отвечаем за воспитание дочери. Меня это постановление суда не слишком радует, Анни оно явно не на пользу: такая жизнь на два дома вряд ли ей поможет обрести устойчивость.

– Даже не знаю, Мэтт, – начинаю я, – мне кажется...

– Я подыскиваю слова, которые прозвучали бы не обидно.

– Может, еще слишком рано, понимаешь? Развод был совсем недавно, и Анни так тяжело все это переносит. Я думаю, лучше бы нам просто...

– Хоуп, речь об ужине, и только, – перебивает Мэтт. – Я не делаю тебе предложения.

У меня мгновенно вспыхивают щеки.

– Конечно, нет, – бормочу я.

Мэтт смеется и накрывает ладонями мои руки.

– Расслабься, Хоуп, – добавляет он с легкой улыбкой, заметив мои колебания. – Питаться-то как-то надо. С этим хоть согласна?

– Ну да, – отвечаю я.

В этот момент распахивается уличная дверь и входит Анни. Рюкзак висит на одном плече, на носу темные очки, хотя еще даже не рассвело. Застыв на месте, она смотрит на нас, и я моментально понимаю, о чем она подумала. Отдергиваю руки, но уже поздно.

– Прекрасно, – комментирует Анни. Сняв очки, она взмахивает головой так, что грива длинных и волнистых светлых волос с темными прядками рассыпается по плечам. Она сверлит нас темно-серыми глазами, отчего они больше обычного напоминают грозовые тучи. – Вы тут что, собирались типа обниматься, если бы я не вошла?

– Анни, – говорю я, поднимаясь, – ты все не так поняла.

– Неважно, – бурчит Анни. Это у нее новое любимое словечко.

– Будь повежливей, тут Мэтт, – начинаю я.

– Неважно, – повторяет моя дочь, для пущей выразительности закатывая глаза. – Я пошла на кухню. Так что типа спокойно продолжайте в том же духе.

Я беспомощно смотрю Анни вслед – та с шумом захлопывает за собой двойную кухонную дверь. Слышно, как она швыряет на стол рюкзак с такой силой, что от ударадребезжат уложенные штабелем лотки из нержавеющей стали. Я морщусь, точно от боли.

– Прости, – поворачиваюсь я к Мэтту. Его взгляд упирается в хлопнувшую дверь.

– Ух какая! Выдавливаю улыбку:

– Детки.

– Честно говоря, не представляю, как ты с ней справляешься, – вздыхает Мэтт.

Я сухо киваю в ответ. Критиковать мою дочь позволительно мне – но не ему.

– Ей сейчас нелегко. – Я встаю, поглядывая в сторону кухни. – Она очень переживает из-за развода. И вообще вспомни-ка себя в седьмом классе. Уж точно не самое простое время.

Мэтт тоже поднимается.

– Но ты разрешаешь ей так с собой разговаривать... Я сжимаюсь, внутри всё скручивается в тугий узел.

– До свидания, Мэтт. – Я до боли стискиваю зубы.

Не давая ему времени ответить, разворачиваюсь и почти бегом направляюсь к кухне в надежде, что он правильно поймет намек и удалится.

– Нельзя грубить клиентам, – обращаюсь я к Анни, входя в кухню через двойные двери.

Она стоит ко мне спиной, замешивая что-то в миске – скорее всего, тесто для шоколадных капкейков «красный бархат». В первый момент мне кажется, что дочка намеренно меня игнорирует, но тут я замечаю наушники. Чертов айпод.

– Эй, – повышаю я голос. Ответа нет, так что подхожу вплотную и выдергиваю наушник у Анни из левого уха. Она подскакивает и разворачивается ко мне, сверкнув глазами, как будто я дала ей пощечину.

– Господи, мама, что за дела? – вопрошает она.

Лицо излучает такую агрессию, что я замираю от неожиданности. Но и сквозь эту злобу все равно вижу ласковую девчущку – ту, что любила, устроившись у меня на коленях, слушать сказки Мами, малышку, которая бежала ко мне за утешением с каждой царапиной и ссадиной на коленке. Девочку, которая дарила мне украшения из пластилина и требовала, чтобы я надевала их, когда мы идем в торговый центр. Та Анни и сейчас где-то там, внутри, но скрыта под ледяной коркой. Почему все так изменилось? Мне бы сказать, что я люблю ее, предложить помириться, но вместо этого слышу собственный сухой вопрос:

– Разве я не говорила тебе, что не надо ходить в школу накрашенной, Анни?

Дочь щурит неумело подведенные глаза, кривит в улыбке губы с вульгарной красной помадой.

– А папа сказал, что можно.

Мысленно посылаю Робу проклятия. Он, похоже, задался целью опровергать каждое мое слово.

– Ну а я говорю, что нельзя, – твердо стою я на своем. – Так что ступай-ка в ванную и смой это все.

– Не буду, – заявляет Анни. Она вызывающе упирается кулаками в бока. Смотрит прямо мне в глаза, не замечая, что пачкает джинсы шоколадным тестом. Когда это обнаружится, виновата наверняка буду я.

– Это не обсуждается, Анни, – подвожу я итог. – Умойся немедленно, или вообще никуда не пойдешь.

Я говорю ледяным тоном и тут же вспоминаю собственную мать. Как же я себя ненавижу в такие минуты – однако взгляд Анни выдерживаю, не мигая.

Она отводит глаза первой.

– Плевать! – она срывает фартук и швыряет на пол. – Я вообще не обязана тут пахать. – Анни яростно взмахивает руками. – Это эксплуатация детского труда!

Я закатываю глаза. На эту тему мы беседовали десять тысяч раз. Формально Анни не работает в кондитерской. Но у нас семейное предприятие, и я приучаю ее к ремеслу, она помогает мне так же, как я, когда была ребенком, помогала маме, а мама в детстве – бабушке.

– Анни, я не намерена снова пускаться в объяснения, – говорю я сурово. – Если хочешь, можешь вместо помощи в кондитерской стричь газон или делать всё по дому.

Анни выскакивает, хлопнув дверью – видимо, в ванную.

– Я тебя ненавижу! – выкрикивает она прежде чем скрыться из виду.

Слова пронзают мне сердце, как клинок, хотя я помню, как сама в возрасте Анни кричала матери что-то подобное.

– Ну да, – бормочу я, поднимая брошенную на столе деревянную ложку и принимаясь вымешивать тесто. – Тоже мне новость.

К половине восьмого, когда Анни обычно отправляется в среднюю школу «Морской бриз», до которой ей топать пешком четыре квартала, у меня готова вся выпечка, а кафе заполнили постоянные посетители. В духовке готовится свежая порция штруделя «Роза», нашего фирменного – с яблоками, миндалем, изюмом, цукатами из апельсиновых корок и корицей, и по кондитерской разносится умиротворяющий аромат. Кей Салливан и Барбара Кунц, две восьмидесятилетние вдовы, живущие через дорогу, поглядывают в окно и что-то увлеченно обсуждают, попивая кофе за столиком у самой двери. Гэвин Кейс, которого я летом нанимала отремонтировать мамин дом, сидит за соседним с ними столиком – пьет кофе с эклером и листает «Кейп-Код Таймс». Дерек Уоллс, вдовец, – он живет на побережье – пришел сегодня с детьми.

Четырехлетние близнецы Джей и Мерри слизывают глазурь со своих ванильных капкейков – своеобразный завтрак, прямо скажем. А Эмма Томас (эта пятидесятилетняя медсестра из хосписа до конца ухаживала за мамой) стоит у прилавка, выбирая пирожное к чаю.

Я как раз собираюсь упаковать черничный маффин для Эммы, когда у меня из-за спины выскальзывает Анни, в куртке и с рюкзаком на одном плече. Я хватаю свою девицу за другое плечо, так что улизнуть ей не удается.

– Посмотри-ка на меня.

– Не хочу, – бурчит она, потупив глаза.

– Анни!

– Неважно. – Анни поднимает голову, и я вижу, что она заново накрасила ресницы и вымазала рот безобразной помадой. Похоже, в ее арсенале появились и румяна – два пунцовых пятна на скулах.

– Смой это, Анни, – говорю я. – Сейчас же. И оставь мне всю свою косметику.

– Ты не имеешь права, – дерзит дочь. – Я ее на свои деньги купила.

Оглянувшись, я замечаю, что в кафе все стихло, только Джей и Мерри щебечут в углу. Гэвин смотрит на меня сочувственно, а старушки у двери просто глазеют. Ужасно неловко. Я и так уже считаюсь главной неудачницей городка – не сумела сохранить брак. А как же иначе – о Робе здесь все отзываются как о превосходном человеке, мне такой муж достался! Ну вот, а теперь все узнают, что я и мать никудышная.

– Анни, – цежу я сквозь стиснутые зубы, – не тни время. И уж на этот раз ты точно никуда не пойдешь за то, что не слушаешься.

– Между прочим, в ближайшие дни я живу у папы. – Она самодовольно ухмыляется. – Ты что, забыла? Так что попробуй меня куда-нибудь не пустить. Ведь ты там больше не живешь.

Я сглатываю. Нельзя показывать ей, что мне больно и обидно.

– Отлично, – широко улыбаюсь я, – значит, сядешь под замок сразу, как окажешься в моем доме.

Анни чуть слышно чертыхается, отворачивается и только сейчас понимает, что на нее все смотрят.

– Плевать, – шепчет она и плетется в ванную. Вздыхнув, я возвращаюсь к клиентке.

– Простите нас, – извиняюсь я, снова берясь непослушными руками за пирожное.

– Голубушка моя, я вырастила трех дочерей, – отвечает Эмма. – Не переживайте так. Все у вас наладится.

Она расплывается и выходит. Я смотрю, как миссис Кунц и миссис Салливан – обе наведываются к нам с того времени, как кондитерская открылась шестьдесят лет назад, – поднимаются и ковыляют к выходу, опираясь на палочки. Дерек с близнецами тоже собираются, так что я выхожу из-за стойки унести грязные тарелки. Помогаю Мерри застегнуть пуговицы, пока Дерек застегивает молнию на курточке Джея. Мерри благодарит меня за капкейк, и я машу им на прощание.

Анни выныривает из ванной минутой позже, лицо без макияжа сияет невинной чистотой. Метнув на прилавок тушь для ресниц, помаду и баночку с румянами, она бросает на меня хмурый взгляд исподлобья.

– Получи. Довольна?

– Счастлива, – сухо отвечаю я.

Анни задерживается на миг и явно хочет что-то сказать. Я заранее сжимаюсь, ожидая какой-нибудь обидной реплики, поэтому ее вопрос застает меня врасплох:

– Это ладно, а кто такая Леона?

– Леона? – я копаюсь в памяти, но безуспешно. – Не знаю. А что? Где ты слышала это имя?

– Мами, – отвечает девочка. – Она типа все время меня так называет. Кажется, ей от этого реально грустно.

Я ошеломлена.

– Ты что, навещаешь Мами?

Два года назад, после маминой смерти, бабушкино слабоумие стало развиваться так стремительно, что нам пришлось поместить ее в специализированный интернат для престарелых.

– Ну да, – отвечает Анни. – А что?

– Нет, ничего... Я просто не знала, что ты к ней ходишь.

– Кто-то же должен, – ехидно бросает она. Наверняка лицо у меня виноватое, потому что вид у Анни торжествующий.

– Я очень занята в кондитерской, Анни, – оправдываюсь я.

– Ну ясное дело, а я вот нахожу время, – замечает Анни. – Если бы ты поменьше времени проводила с Мэттом Хайнсом, может, тоже нашла бы минутку для Мами.

– У меня ничего нет с Мэттом. – Я внезапно вспоминаю, что в нескольких метрах от нас сидит Гэвин, и чувствую, как начинают гореть щеки. Меньше всего мне нужно, чтобы весь городок знал о моей личной жизни. Вернее, о ее отсутствии.

– Неважно. – Анни закатывает глаза. – По крайней мере, Мами меня хоть любит. Она мне все время это говорит.

Дочь зыркает на меня своими глазищами, и я понимаю, что должна ответить: «Солнышко мое, я тоже тебя люблю» или «Мы с твоим папой очень тебя любим» – в общем, что-то в этом роде. Разве не так должна поступить хорошая мать? Вместо этого – потому что я бездарная мать – у меня вылетают совсем другие слова: «Да? Вообще-то больше похоже, что она говорит “люблю” кому-то по имени Леона».

Анни теряет дар речи и с отвисшей челюстью смотрит на меня. Опомившись, я хочу обнять ее, крепко прижать к себе, попросить прощения, сказать, что вовсе так не думаю. Но не успеваю – девочка резко отворачивается, но я успеваю заметить у нее на глазах слезы. Она без оглядки бежит к двери и выскакивает из магазина.

Смотрю ей вслед, и сердце кровью обливается. Я буквально падаю на стул, где недавно сидел один из близнецов, и роняю голову на руки. Всегда и во всем я терплю крах, а особенно – в отношениях с теми, кого люблю.

Я не замечаю, что Гэвин Кейс рядом, до тех пор пока он не кладет руку мне на плечо. От неожиданности вздергиваю голову – и утыкаюсь взглядом в дырку на бедре его линялых джинсов. В первое мгновение я испытываю странную потребность предложить свою помощь, залатать дырку. Но это было бы нелепо. Портниха из меня ничуть не лучшая, чем мать или жена. Я поднимаю голову и перевожу взгляд выше, на синюю фланелевую рубашу в клетку, потом на лицо, замечаю густую темную щетину на подбородке. Грива густых темных волос выглядит так, словно ее несколько дней не касалась расческа, но это не кажется неряшливым, а наоборот, даже придает шарм – Гэвин так хорош, что мне становится не по себе. Ямочки на щеках, когда он улыбается, заставляют меня вспомнить, как он молод. Лет двадцать восемь, прикидываю невольно, самое большее двадцать девять. И чувствую себя старой развалиной, хотя старше всего на семь или восемь лет. Как это, наверное, здорово – быть молодым, независимым, когда нет никакой ответственности, нет ни дочери-подростка, которая тебя ненавидит, ни семейного дела, которое без тебя развалится.

– Не казните себя, – заговаривает Гэвин. Похлопав меня по спине, он прокашливается. – Она вас любит, Хоуп. Вы хорошая мать.

– Да, наверное, спасибо, – лепечу я, не глядя ему в глаза. Конечно, мы знакомы, все лето, пока он ремонтировал дом, мы встречались чуть не каждый день, и я, вернувшись домой с работы, часто наливала ему лимонаду и сидела с ним на веранде, стараясь не пялиться на загорелые накачанные бицепсы. Но он меня не знает. Наше знакомство поверхностно. Как же он может судить, хорошая ли я мать. Изучи он меня получше, сразу понял бы, что я ни на что не гожусь.

Он еще раз деликатно похлопывает меня по спине.

– Я серьезно.

Потом уходит и он, оставив меня одну внутри гигантского розового пирожного, которое сейчас кажется ужасно горьким.

Глава 2

Сегодня я закрыла кондитерскую пораньше – накопились кое-какие дела. В четверть седьмого я уже дома, на улице еще светло, но в коттедже, который с трудом воспринимается как собственный дом, темно и мрачно.

Тишина такая, что уши закладывает. До прошлого года, когда Роб преподнес мне рождественский подарок, объявив, что просит развода, я всегда стремилась домой. Я гордилась нашей налаженной жизнью в солидном белом викторианском особняке с видом на залив Кейп-Код, немного восточнее пляжа. Я своими руками красила стены в комнатах, укладывала плитку на кухне и в прихожей, сама занималась паркетом на втором этаже и в гостиной и разводила в саду голубые гортензии и чудесные, нежные кустовые розочки, которые изумительно смотрелись на фоне белоснежных стен дома.

И вот, когда я наконец закончила все труды и готова была наслаждаться жизнью в доме своей мечты, Роб усадил меня перед собой и тихим голосом, отводя глаза, сообщил, что с его стороны тоже все кончено – с нашим браком и со мной.

В течение трех месяцев я, еще не успев отойти после маминой смерти и решения отдать Мами в дом престарелых, должна была переехать в мамин коттедж, продать который мне так и не удалось. Еще через несколько месяцев, выжатая, как лимон, я, совершенно пав духом, подписала документы на развод, мечтая только, чтобы все это поскорей закончилось и меня оставили в покое.

Я пребывала в полном ступоре и в первый раз поняла тогда то, что волновало меня все предыдущие годы – как это мама всегда ухитрялась так спокойно относиться к мужчинам в ее жизни. Я никогда не знала отца, она мне даже имени его не назвала. Лишь однажды твердо заявила: «Он ушел. Давно. Так и не узнав о тебе. Он сделал свой выбор». Пока я росла, у нее всегда были приятели, возлюбленные, она проводила с ними много времени, но близко никого из них не подпускала. Держала на расстоянии. А когда, рано или поздно, они ее бросали, мама только пожимала плечами и говорила: «Без него-то нам только лучше, Хоуп. Сама знаешь».

Из-за этого я считала ее бессердечной, хотя в глубине души с нетерпением ожидала наступления очередного короткого периода без бойфрендов, когда мама будет принадлежать только мне, хоть на несколько недель. Как я жалею, что уяснила это только сейчас и уже не могу обсудить этого с ней. Я наконец поняла, мама. Если не подпускать их близко и, если уж на то пошло, не влюбляться в них слишком сильно, они не смогут ранить тебя своим уходом. Но, как и со многим другим в жизни, с этим открытием я безнадежно опоздала.

Я принимаю душ, смывая с кожи и волос муку и сахарную пудру, и выхожу из ванной без нескольких минут семь. Понимаю, что надо бы позвонить Робу и постараться помириться с Анни, – но не нахожу в себе сил. Кроме того, они наверняка весело проводят время вдвоем, а мой звонок оторвет их от игры, и я снова все разрушу. Как бы я ни относилась к Робу, вынуждена признать, что по крайней мере с Анни он ведет себя как хороший отец. Кажется, он нашел к ней подход – чего мне никак не удастся. Я злюсь на себя за то, что их заговорщический смех сначала заставляет меня жестоко ревновать и только потом – радоваться за Анни. Такое впечатление, что вот он – новый семейный портрет, на котором мне нет места.

Натянув серый свитер крупной вязки и узкие черные джинсы, я изучаю себя в зеркале, расчесывая каштановые волнистые волосы до плеч. Слава богу, седины пока нет, но скоро появится, если Анни и дальше будет так себя вести. Вглядываюсь в свое лицо, пытаюсь найти черты сходства с Анни, но, как обычно, не обнаруживаю. Странно, она совершенно ничем не напоминает ни меня, ни Робу, так что однажды, когда ей было три года, он даже спро-

сил меня: «Ты уверена, что она от меня, Хоуп?» Его вопрос поразил меня в самое сердце. «Конечно», – прошептала я со слезами на глазах, и на этом разговор был окончен. За исключением кожи, которая с первыми жаркими лучами солнца покрывается ровным красивым загаром, точно как у Роба, Анни ничего не унаследовала от своего высокого, темноволосого, синеглазого отца.

Рассматривая себя, я наношу на губы бледную помаду и слегка подкрашиваю бесцветные ресницы. У Анни глаза иссиня-серые, точно как у Мама, а у меня совсем другие – зеленые, как морская волна, с золотистыми крапинками. Когда я была поменьше, Мама часто говорила, что ее внешность – вся, кроме глаз, – перескочила через поколение и передалась мне. Мама с ее прямыми темными волосами и карими глазами пошла в дедушку, своего отца, я же в самом деле напоминала ксерокопию с немногих старых фотографий Мама. Помню, я спрашивала себя, почему на всех этих старых снимках у нее печальные глаза. Теперь, когда жизнь навалилась на меня всей тяжестью, наше сходство даже усилилось. Изгиб моих губ («как у ангельской арфы», говаривала Мама) в точности повторяет форму ее рта в молодые годы. Мне посчастливилось унаследовать молочную белизну кожи. Правда, недавно между бровями пролегла вертикальная морщина, придающая мне вечно озабоченный вид. Впрочем, что тут удивительного, меня и в самом деле постоянно одолевают заботы.

В дверь звонят – я вздрагиваю от неожиданности. В последний раз торопливо провожу щеткой по волосам, после чего, присмотревшись, взъерошиваю их рукой. Не хочу, чтобы Мэтт подумал, будто я старательно прихорашивалась перед встречей с ним.

Открываю входную дверь и, когда Мэтт наклоняется, чтобы меня поцеловать, слегка отворачиваю голову, так что поцелуй приходится в правую щеку. Чувствую тяжелый мускусный запах его одеколона. На Мэтте отутюженные светлые брюки, элегантная голубая рубашка с вышитой фирменной эмблемой – что за фирма, не знаю, но видно, что вещь дорогая, – и блестящие коричневые мокасины.

– Я могу пойти переодеться, – предлагаю я, вдруг почувствовав себя неряшливой и неказистой.

Мэтт смотрит на меня с высоты своего роста и пожимает плечами:

– Да ты и так хорошенькая. И свитер этот тебе идет.

Он везет меня к «Фратанелли», в эксклюзивный итальянский ресторан на побережье. Я стараюсь не обращать внимания на метрдотеля, который, прежде чем проводить нас к столику у окна, с нескрываемым неодобрением окидывает взглядом мой наряд. На столе горят свечи.

– Здесь слишком шикарно, Мэтт, – говорю я, как только мы остаемся одни. Отвернувшись к окну, смотрю в темноту и вижу в стекле наше отражение. «Как супружеская чета», – эта мысль заставляет меня поспешно опустить глаза.

– Когда-то тебе здесь нравилось, – объясняет Мэтт, – Помнишь? Мы сюда ходили перед выпускным вечером.

Со смехом мотаю головой:

– Забыла!

Вообще я многое забыла. Долгое время пыталась убежать от прошлого, но сумела ли – если опять сижу в том же ресторане с тем же парнем, что и почти двадцать лет назад? Видно, не отпускает нас наша история. Отогнав эту мысль, я поворачиваюсь к Мэтту:

– Ты сказал, что хочешь о чем-то поговорить. Но он изучает меню:

– Давай сначала заказ сделаем.

Мы сосредоточенно выбираем еду. Мэтт заказывает омара, а я спагетти болоньезе, самое дешевое блюдо в меню. Когда ужин закончится, попробую сама заплатить за себя, ну, а если Мэтт будет настаивать, ему хотя бы не придется сильно на меня тратить. Не хочу чувствовать себя обязанной. Отпустив официанта, Мэтт глубоко вздыхает и смотрит на меня.

Собирается что-то сказать, но я его опережаю, не хочу, чтобы он попал в неловкое положение.

– Мэтт, знаешь, я очень много о тебе думаю, – начинаю я.

– Хоуп...

Но я поднимаю ладонь, не позволяя перебить.

– Позволь мне закончить, – выпаливаю я и начинаю тараторить: – Я знаю, у нас с тобой столько общего, все эти воспоминания, конечно, это очень много значит для меня, но вот что я уже пыталась сказать тебе сегодня днем: не думаю, что я готова сейчас встречаться с кем бы то ни было. Мне кажется, я и не буду готова, пока Анни не поступит в колледж, а до этого еще очень далеко...

– Хоуп...

Я не обращаю на него внимания, потому что должна наконец высказаться до конца.

– Мэтт, дело не в тебе, честное слово. Просто до тех пор мы могли бы оставаться друзьями, так будет лучше, поверь. Не знаю, как повернется дальше, но пока мне совершенно необходимо уделять больше времени Анни, а...

– Хоуп, я не об этом хотел поговорить, не о нас с тобой, – вклинивается в мой монолог Мэтт. – Это касается кондитерской и твоей ссуды. Может, дашь мне сказать?

Я молча смотрю на него, пока официант ставит на стол корзинку с хлебом и мисочку с оливковым маслом. В бокалы наливают красное вино – дорогое каберне Мэтт выбрал, не обсудив со мной. Наконец официант уходит, и мы возобновляем разговор.

– Так что с моей кондитерской? – медленно спрашиваю я.

– Новости не очень хорошие, – говорит Мэтт.

Не глядя на меня, он отламывает кусочек хлеба, окунает в оливковое масло и отправляет в рот.

– Ну... – тороплю я. Мне кажется, что в зале больше не осталось воздуха.

– Твоя ссуда, – произносит он с полным ртом. – Банк затребовал ее досрочного погашения.

У меня останавливается сердце.

– То есть как? – я недоуменно гляжу на него. – Когда?

Мэтт смотрит вниз.

– Решение было принято вчера. Хоуп, ты же несколько раз задерживала выплаты, а ситуация на рынке сейчас такая, что банк вынужден требовать досрочного погашения ссуд, по которым зарегистрирован факт нерегулярных платежей. К сожалению, в их числе оказалась и твоя.

Я глубоко вздыхаю. Это просто невыносимо.

– Но я же выплатила все, уже и за этот год. Ну да, у меня было несколько трудных месяцев пару лет назад, во время экономического кризиса, но это же понятно, мы так зависим от туристов.

– Я знаю.

– Разве у меня одной тогда были трудности?

– Трудности были у многих, – соглашается Мэтт, – к сожалению, ты одна из них. А с такой кредитной историей, как у тебя...

Я прикрываю глаза. О моей кредитной истории даже думать не хочется. Ей не очень способствовал развод, не говоря о том, что после маминей смерти мне пришлось оплачивать ее ипотеку, а потом долго жонглировать кредитными карточками, переводя крупные займы с одной на другую, лишь бы только удержаться на плаву и сохранить кондитерскую.

– Что мне нужно сделать, чтобы исправить ситуацию? – спрашиваю я наконец.

– Боюсь, почти ничего, – отвечает Мэтт. – Ты можешь, конечно, попытаться получить кредит в другом месте, но, повторюсь, сейчас положение на рынке не блестящее. Я могу

гарантировать, что с другими банками у тебя ничего не выйдет. А с твоей историей выплат, да еще учитывая, что на той же улице открывается «Бингем»...

– «Бингем», – вздыхаю я, – Ну конечно, все ясно.

Эти пончиковые – проклятие моей жизни, опасность, нависшая над нами несколько лет назад. Сеть, поначалу небольшая, появилась на Род-Айленде, но быстро набирает обороты, распространяется по региону, завоевывая все новые города. Видимо, владельцы ставят перед собой цель сравняться с таким гигантом, как «Данкин Донатс». Свою шестнадцатую точку они открыли девять месяцев назад в полумиле от моей кондитерской. Я тогда только-только начинала выкарабкиваться из черной дыры, в которую меня загнал кризис.

Эту невзгodu я могла бы пережить, если б не нахлобичились финансовые последствия развода. А теперь мне приходится отчаянно бороться за жизнь, и Мэтту это известно – все кредиты я брала только в его банке.

– Послушай, есть один вариант, о котором я хотел с тобой поговорить, – нарушает молчание Мэтт. – Я работаю в Нью-Йорке с некими инвесторами. Они интересуются разными малыми предприятиями... помогают им. Я мог бы к ним обратиться, похлопотать за тебя.

– Понятно, – тяну я.

Что-то мне не очень улыбается эта перспектива – чужие инвестиции в бизнес, который всегда был и остается чисто семейным. Да и мысль о том, что Мэтт будет за меня хлопотать, тоже неприятна. С другой стороны, я отдаю себе отчет, что могу вообще лишиться кафе-кондитерской.

– А как она будет выглядеть, их помощь?

– По сути, они выкупают у тебя дело, – пускается Мэтт в объяснения, – и, разумеется, берут на себя погашение кредита. Ты получаешь какую-то сумму на руки, достаточную, чтобы расплатиться со всеми долгами. И остаешься работать в кондитерской, будешь там заправлять, делать все, как сейчас делаешь... Если они, конечно, согласятся.

Я не свожу с него взгляда.

– Ты хочешь сказать, мне ничего не остается, как продать кондитерскую своей семье каким-то чужим людям?

Мэтт разводит руками:

– Я понимаю, это не идеальный вариант. Но так ты смогла бы в сжатые сроки решить свои финансовые проблемы. А если повезет, я уговорю их, чтобы оставили тебя менеджером.

– Но это кондитерская моей семьи, – лепечу я и понимаю, что повторяюсь.

Мэтт отворачивается.

– Хоуп, я не знаю, что еще тебе сказать. Вообще-то это последний шанс, если, конечно, ты не прячешь в заглазнике полмиллиона долларов. С долгами, что на тебе висят, ты вряд ли сумеешь начать все сначала где-нибудь на новом месте.

Я ищу и не нахожу слов. После паузы Мэтт снова принимается убеждать:

– Да ты не бойся, это очень достойные люди. Я их давным-давно знаю. Они не обманут. По крайней мере, тебе не придется закрывать заведение.

Ощущение у меня такое, словно Мэтт, выдернув чеку, бросил в меня гранату, а потом предложил навести чистоту и убрать кровавое месиво – и всё это с милой, доброжелательной улыбкой.

– Мне нужно подумать, – отрешенно говорю я.

– Хоуп... – Мэтт, отодвинув в сторону свой бокал, тянется ко мне через стол. И сгребает мои руки своими ручищами – по всей вероятности, это следует понимать в том смысле, что с ним мне ничто не грозит. – Мы все решим, веришь? Я тебе помогу.

– Не нуждаюсь я в твоей помощи, – бормочу я еле слышно.

Он обижен, и я чувствую себя ужасно неловко, поэтому не отдергиваю рук. Понятно, он просто пытается проявить порядочность. Но я не нуждаюсь в благотворительности.

Может, пойду ко дну, а может, сумею выплыть, но в любом случае бороться я намерена самостоятельно.

В этот момент у меня в сумке пищит мобильник. Я в замешательстве вырываю руки и лезу за телефоном. Забыла перевести его в режим вибрации. Отвечаю, а сама вижу, как из другого конца зала на меня неодобрительно взирает метрдотель.

– Мам? – Это Анни, голос у нее встревоженный.

– Что случилось, детка? – спрашиваю я, уже вскакивая с места, готовая бежать ей на помощь, где бы она ни находилась.

– Ты где?

– Да вот, решила поужинать, Анни, – объясняю я. Мэтта не упоминаю, а то решит, что у нас свидание. – А ты где? Разве ты не у папы?

– Папе нужно было на встречу с клиентом, – неохотно поясняет она, – так что он отвез меня домой. А тут посудомойка, типа, совсем сломалась.

Я прикрываю глаза. Перед тем как появился Мэтт, я залила в посудомоечную машину моющее средство и включила ее на полчаса, рассчитав, что к моему возвращению цикл уже закончится. Что стряслось?

– Это не я, – поспешно оправдывается Анни. – Но тут, типа, вода весь пол залила. В смысле, на несколько дюймов. Типа наводнение, в общем.

У меня обрывается сердце. Похоже, прорвало трубу. Даже представить не могу, во что обойдется ремонт, в каком виде мой старый деревянный паркет.

– Ничего, – говорю я в трубку ровным голосом. – Умница, что сразу позвонила, малыш. Я скоро буду.

– Но как мне остановить воду? – спрашивает девочка. – Тут, типа, все плавает. Скоро же весь дом затопит.

Я понимаю, что понятия не имею, как отключается вода на кухне.

– погоди, дай мне вспомнить. Я тебе перезвоню. Я уже еду.

– Неважно, – и Анни бросает трубку.

Я описываю ситуацию Мэтту, он вздыхает и подзывает официанта, чтобы нам упаковали еду с собой.

– Неудобно получилось, прости, – извиняюсь я, когда через пять минут мы бежим к машине. – В последнее время у меня не жизнь, а какая-то цепь неприятностей.

Мэтт только качает головой.

– Всякое бывает, – сухо отзывается он. После чего погружается в молчание и нарушает его, только когда мы приближаемся к моему дому: – Не отмахивайся от того, что я тебе сказал, Хоуп. Иначе ты рискуешь всего лишиться. Всего, что годами создавала твоя семья.

Я ничего не отвечаю, поскольку сознаю его правоту, но сейчас мне не до того. Взамен спрашиваю, не знает ли он, как перекрыть воду на кухне, но он не знает, и остаток пути мы едем в мертвой тишине.

– Чей это джип? – интересуется Мэтт, подъехав к моему дому. – Из-за него мне тут не припарковаться.

– Гэвина, – тихо поясняю я. Знакомый серовато-синий «рэнглер» припаркован рядом с моей «короллой». У меня начинает колотиться сердце.

– Гэвина Кейса? – переспрашивает Мэтт. – Того парня, что делал тебе ремонт? А он-то что здесь делает?

– Наверное, Анни вызвала, – сжав зубы, говорю я. Анни невдомек, что я еще не полностью расплатилась с Гэвином за ремонт. Точнее, еще почти совсем не расплатилась. Она понятия не имеет, что однажды в июле, сидя с ним на веранде, я прочла банковскую выписку о состоянии моих дел и, не сдержавшись, вдруг расплакалась, а спустя месяц, закончив работу, Гэвин настоял на том, что хочет получать оплату в виде бесплатного кофе с пирож-

ными. Анни не догадывается, что этот парень – единственный человек в городке, кроме Мэтта, посвященный во все мои неприятности. Вот почему сейчас я меньше всего хотела бы его здесь видеть.

Я захожу в дом, Мэтт следует по пятам с пакетом моей еды от «Фратанелли». На кухне Анни с пачкой полотенец и Гэвин, он согнулся в три погибели и колдует под мойкой. Краснея, я понимаю, что невольно первым делом посмотрела на его джинсы – туда, где утром заметила дырку. Она на месте, разумеется.

– Гэвин, – окликаю я, и он, пятась, выбирается из-под мойки и выпрямляется. Переводит взгляд с меня на Мэтта и чешет затылок, а Мэтт протискивается у него за спиной, чтобы поставить пакет в холодильник.

– Привет, – здоровается Гэвин. Снова глядит на Мэтта, а потом на меня. – Вот, я приехал сразу, как только Анни позвонила. Воду я пока отключил. Кажется, трубу прорвало, нужно вскрывать стену за посудомоечной машиной. Я могу заехать послезавтра и все наладить, если, конечно, время терпит и вас это устраивает.

– Да ну, может, не стоит, – смущенно отнекиваюсь я. И выразительно смотрю ему прямо в глаза в надежде, что он догадается: заплатить я пока что по-прежнему не могу.

Но он лишь улыбается и продолжает, словно не слышал моих слов:

– Завтра весь день уже забит, зато послезавтра я совершенно свободен. Только с утра кое-что нужно сделать у Фоули, но это ерунда. Да и вообще, много времени этот ремонт не займет, не волнуйтесь. Трубу заменю, и все будет отлично. – Гэвин снова бросает быстрый взгляд на Мэтта – и на меня. – Слушайте, да ведь у меня в джипе есть моющий пылесос. Давайте-ка я за ним сбегаю и помогу убрать воду с пола. А заодно посмотрим, в порядке ли полы.

Искоса я посматриваю на Анни, все еще стоящую с охапкой полотенец в руках.

– Спасибо, мы сейчас сами наведем порядок, – отвечаю я Гэвину. – Неудобно вас задерживать. Правда? – спрашиваю я, обращаясь к Анни, а потом к Мэтту.

– Наверное. – Анни пожимает плечами. Мэтт смотрит в сторону:

– Вообще-то, Хоуп, мне завтра очень рано вставать. Я уже собирался домой.

Гэвин, фыркнув, молча выходит, я этого как бы не замечаю.

– Ой, конечно, – говорю я Мэтту. – Разумеется. Спасибо за ужин.

Когда я уже провожаю Мэтта в прихожей, возвращается Гэвин с пылесосом.

– Я же сказала, не надо, – бурчу я себе под нос.

– Я слышал, что вы сказали, – бросает Гэвин, не останавливаясь и не глядя на меня.

Спустя минуту, стоя на пороге и глядя, как сверкающий «Лексус» Мэтта вырывается с дорожки, я слышу звук пылесоса в кухне. Прикрыв глаза, стою так какое-то время, а потом возвращаюсь в дом, навстречу той единственной неприятности в жизни, которую, кажется, можно устранить.

Следующий вечер Анни проводит у Роба, а я со шваброй в руках устраниваю следы потопа на кухне. Ловлю себя на мысли о Мами – вот кто всегда умудрялся без труда справляться с возникающими проблемами. А я ведь не навещала ее уже две недели! Внучка из меня никудышная, угрызаюсь я. И вообще человек я никудышный. Еще одна область, где я не состоялась.

С комком в горле я наспех заканчиваю уборку, крашу губы перед зеркалом в прихожей и хватаю ключи. Анни права: мне необходимо повидать бабушку. Навещая Мами, я каждый раз еле удерживаюсь от слез. Нет, интернат очень уютный и симпатичный, и условия там прекрасные, но просто невыносимо видеть, как она угасает. Все равно что стоять на палубе и смотреть, как человек за бортом скрывается в волнах, зная, что бросить ему спасательный круг ты не можешь.

Всего через пятнадцать минут я вхожу в интернат – просторное сливочно-желтое здание. Повсюду висят фотографии цветов, лесных зверей и птиц. Отделение для пациентов с расстройством памяти – на верхнем этаже, чтобы попасть в него, нужно набрать код на цифровой панели у двери.

Я иду по коридору к комнате Мами, расположенной в дальнем конце западного крыла. Комнаты здесь похожи не на больничные палаты, а на частные квартирки, хотя едят пациенты в общей столовой, а у персонала имеются ключи от каждой двери – это позволяет присматривать за их обитателями и проводить лечение. Мами лечат антидепрессантом, дают два сердечных препарата и экспериментальное средство от Альцгеймера. Что-то незаметно, чтобы оно помогало. Раз в месяц я встречаюсь с лечащим врачом. В последний раз доктор сообщил, что за последние несколько месяцев умственные способности Мами значительно ухудшились.

– Самое скверное, – говорил он, поглядывая на меня сквозь очки, – что она пока что сама все понимает. Очень тяжелый этап, так грустно это наблюдать: она сознает, что скоро совсем потеряет память. Всех пациентов с ее диагнозом это, как вы понимаете, очень тревожит и расстраивает.

Я сглатываю и нажимаю звонок против ее имени: Роза Маккенна. Слышу, как она шевелится за дверью, может быть, с трудом поднимается с мягкого кресла, как идет к двери, постукивая палочкой – с ней она не расстанется с тех пор, как два года назад упала и сломала бедро.

Дверь приоткрывается, и я испытываю сильнейшее желание броситься к ней навстречу с распростертыми объятиями, как всегда делала в детстве. До сегодняшнего дня я была убеждена, что прихожу сюда ради бабушки, но сейчас вдруг понимаю, что делаю это в первую очередь для себя. Мне это нужно. Мне отчаянно нужен кто-то, кто меня любит, пусть даже не так, как мне хотелось бы.

– Здравствуй, – произносит Мами, улыбаясь. Волосы у нее, кажется, стали еще белее, чем в нашу последнюю встречу, морщины обозначились резче. Однако губы, как всегда, подкрашены бордовой помадой, на ресницах тушь, глаза подведены карандашом. – Какой приятный сюрприз, дорогая.

В ее речи замечен легкий намек на почти пропавший за долгие годы французский акцент. Бабушка живет в Соединенных Штатах с конца 1940-х, а отголоски давнего прошлого до сих пор окутывают ее выговор, точно одна из тех легких, как перышко, французских косынок, которые бабушка почти всегда повязывает себе на шею.

Я шагаю вперед, обнимаю ее. Раньше я была маленькой, а она надежной и сильной. Сейчас, прижав ее к себе, я ощущаю рукой острые лопатки и позвонки.

– Здравствуй, Мами, – тихо говорю я, украдкой смахивая слезы.

Бабушка смотрит на меня, ее серые глаза затуманены.

– Вы должны меня простить, – любезно говорит она. – Я иногда немного рассеянна. Кто вы, дорогуша? Я понимаю, что должна вас помнить.

Я проглатываю комок.

– Я Хоуп, Мами. Твоя внучка.

– Ну конечно, – она улыбается мне, но в глазах по-прежнему туман. – Я так и думала. Но иногда мне приходится напоминать. Прошу, входи.

Я уныло плетусь за Мами в ее квартиру, и она сразу подводит меня к окну гостиной.

– А я люблюсь закатом, дорогуша, – говорит она. – Еще немного, и мы сможем увидеть вечернюю звезду.

Глава 3

ВАНИЛЬНЫЕ КАПКЕЙКИ «ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА»

Для капкейков

Ингредиенты

200 г несоленого сливочного масла комнатной температуры

1,5 стакана сахарного песка

4 крупных яйца

1 ч. л. ванильного экстракта

3 стакана муки

3 ч. л. разрыхлителя

0,5 ч. л. соли

1,5 стакана молока

Приготовление

1. Разогреть духовку до 180 °С. Уложить на противень 24 формочки для маффинов с бумажными капсулами.

2. Электрическим миксером смешать в глубокой миске масло и сахар. Взбить до пышной пенистой массы, затем, продолжая взбивать, по одному добавить яйца. Влить экстракт ванили

3. Просеять муку, смешав с разрыхлителем и солью, после чего всыпать в масляную смесь по 1 стакану, помешивая и чередуя с молоком.

4. Полученной смесью заполнить формы до половины. Выпекать 15–20 минут или до тех пор, пока тесто не перестанет налипать на зубочистку, воткнутую в середину капкейка. Оставить в выключенной духовке на 10 минут, затем вынуть и поставить на решетку до полного остывания.

5. Когда капкейки остынут, полить сверху розовой глазурью (см. ниже).

РОЗОВАЯ ГЛАЗУРЬ

Ингредиенты

200 г слегка размягченного несоленого сливочного масла

4 стакана сахарной пудры

0,5 ч. л. экстракта ванили

1 ч. л. молока

1–3 капли красного пищевого красителя

Приготовление

1. Электрическим миксером взбить масло в среднего размера миске до пышной пенистой массы.

2. Продолжая взбивать, постепенно добавлять сахарную пудру.

3. Продолжая взбивать, добавить ванильный экстракт и молоко.

4. Добавить одну каплю красителя, тщательно перемешать до равномерной окраски. По желанию можно придать глазури более яркую окраску, добавив еще 1–2 капли красителя и перемешивая массу после каждой капли до однородности. Полить капкейки глазурью, как указано выше.

Роза

Роза смотрела в окно, дожидаясь, как всегда, появления первой звезды над горизонтом. Она точно знала, что звезда – мерцающая, сверкающая, будто вечный огонь, – появится сразу после того, как заходящее солнце расцветит небо лентами пламени и света. Там, где она жила совсем девочкой, сумеречный час после заката называли *l'heure bleue* – час синевы, время, когда на земле уже смерклось, но еще до конца не стемнело. Это переходное состояние умиротворяло Розу, дарило утешение.

А особенно она любила вечернюю звезду, появлявшуюся каждый вечер в бархатно-синем небе, – при том что это на самом деле никакая не звезда, а планета Венера, названная в честь богини любви. Роза усвоила это давным-давно, но какая разница? С Земли нелегко отличить звезду от планеты. За многие годы Роза пересчитала все звезды, какие только могла различить в ночном небе. Она всегда что-то искала, но так до сих пор и не нашла. И сознавала, что сама виновата, и оттого грустила. Она много из-за чего печалилась в последнее время. Но иногда, время от времени, ловила себя на том, что не помнит, из-за чего плакала.

Болезнь Альцгеймера. Роза знала свой диагноз. До нее доносилось перешептывание в общем холле. Она наблюдала за своими соседями по отделению и видела, как с каждым днем слабеет их память. Роза догадывалась: с ней происходит то же самое, что приводило ее в ужас по причинам, которые никто не смог бы понять. Она не решалась говорить о них вслух. Слишком поздно.

Вот эта девушка с блестящими каштановыми волосами, с таким знакомым лицом и чудесными печальными глазами минуту назад назвала себя – но ее имя уже забылось. К горлу подкатила привычная паника. Ах, вот бы ухватиться за воспоминания, как за канаты, и крепко держаться, чтобы не пойти ко дну. Но канаты были скользкими, не ухватиться за них, не удержаться. Так что Роза прокашлялась, выдавила любезную улыбку и попытала счастья, назвав имя наугад.

– Жозефина, милая, смотри, вот звезда над горизонтом. – Она подняла руку, указывая на то место, где вот-вот, прямо сейчас, должна была загореться вечерняя звезда. Хорошо бы, если бы она угадала с именем. Очень давно не видела она Жозефину. А может, видела. Невозможно сказать наверняка.

Девушка с темными волосами прочистила горло.

– Нет, Мами. Это я, Хоуп. Жозефины здесь нет.

– Да, самой собой, я знаю, – заторопилась Роза. – Просто оговорились, должно быть.

Нельзя, чтобы они – хоть кто-то из них – догадались, что она теряет память. Стыд-то какой! Как будто она готова сдаться. Розе страшно не хотелось, чтобы так думали, потому что это неправда – на самом деле она полна решимости. Может, если удастся притворяться и держать их в неведении еще какое-то время, тучи рассеются, и ее воспоминания вернутся оттуда, где они сейчас прячутся от нее.

– Ничего, Мами, – сказала девушка, на взгляд Розы слишком взрослая для Хоуп, ее единственной внучки, ведь той никак не больше тринадцати-четырнадцати лет. А у этой Роза ясно видела мелкие морщинки вокруг глаз – следы забот и тревог. Слишком много морщинок для девочки такого возраста. Чем, интересно, она озабочена, что ее гнетет, думала Роза. Ей хотелось помочь Хоуп. Она только не знала как.

– Где же твоя мама? – учтиво осведомилась Роза. – Она тоже придет, дорогая?

Столько нужно сказать Жозефине, за столько попросить у нее прощения! Так страшно не успеть, ведь время уходит. С чего бы ей начать? Просить у дочери прощения за все, что она, Роза, сделала не так? За свою холодность? За то, что, сама того не желая, служила ей

дурным примером? В прошлом, Роза помнила, у нее было много возможностей повиниться перед дочерью, но она так и не сумела, слова всякий раз застревали в горле. Может, теперь самое время превозмочь себя и выговориться, чтобы Жозефина узнала, пока не поздно.

– Мами? – настороженно окликнула Хоуп.

Роза ласково улыбнулась ей. Она знала: когда-нибудь Хоуп вырастет, станет сильной и доброй. Жозефина тоже из таких женщин, но ее подлинную сущность скрывало столько защитных слоев, выросших в результате ее, Розы, ошибок, что почти невозможно разглядеть, распознать, какая она на самом деле.

– Что, дорогая? – отозвалась Роза, потому что Хоуп вдруг замолчала. Внезапно Роза словно бы догадалась, что именно пытается сказать Хоуп. И собралась уже остановить ее, чтобы не услышать страшных слов. Но не успела. Она всегда со всем опаздывала.

– Моя мама – Жозефина – умерла, – мягко сказала Хоуп. – Два года назад, Мами. Ты не помнишь?

– Моя дочь? – переспросила Роза. Скорбь захлестнула ее волной. – Моя Жозефина?

Правда нахлынула, будто океанский прилив, и на мгновение Роза задохнулась, не в силах глотнуть воздуха. И поразились ухищрениям памяти, смывающей неприятные и болезненные воспоминания и уносящей их в море.

Но некоторые воспоминания – это Роза знала наверняка – стереть невозможно, даже если человек всю жизнь прожил, прикидываясь, будто ничего этого не было.

– Прости меня, Мами, – вновь заговорила Хоуп, – ты и правда забыла?

– Нет, нет, – поспешно оборвала ее Роза. – Разумеется, нет.

Хоуп отвернулась, а Роза посмотрела на нее. На миг девочка напомнила ей о чем-то или о ком-то, но она не успела ухватить это воспоминание, и оно улетело, упорхнуло, точно мотылек.

– Разве могла я о таком забыть? – тихо добавила Роза.

Некоторое время они сидели молча, глядя из окна на небо. Вечерняя звезда была уже там, а вскоре Роза смогла различить звезды Большой Медведицы, которую ее папа называл однажды Божьей кастрюлькой. И, как когда-то научил ее папа, Роза мысленно провела линию от звезды Мерак до звезды Дубхе и отыскала Полярную звезду, только открывавшую свой заспанный глазок в безграничном небе. Роза знала имена многих звезд, а некоторым и сама дала имена – в память о людях, которых потеряла много лет назад.

Как странно, думала Роза, что она не может удержать в голове простейшие вещи, зато названия небесных тел отпечатались в ее памяти навечно. Она тайком изучала их на протяжении многих лет в надежде, что когда-нибудь они сумеют указать ей дорогу домой. Но вот она все еще здесь, на Земле, не так ли? А звезды так же далеки, как все эти годы.

– Мами? – Хоуп первой нарушила долгое молчание. Роза обернулась к ней и улыбнулась этому слову.

С нежной любовью вспоминала она свою собственную *мами*, которая всегда казалась ей невероятно эффектной и обаятельной женщиной, с ее неизменной красной помадой на губах, высокими скулами и шикарной короткой стрижкой, вышедшей из моды в конце 1920-х годов. Но потом вспомнила, что стало с ее любимой бабулей, и улыбка померкла. Роза сморгнула слезу и вернулась в настоящее.

– Да, дорогая? – отозвалась она.

– Кто такая Леона?

Эти слова застали Розу врасплох, у нее перехватило дыхание, ведь уже почти семьдесят лет она не произносила этого имени вслух. Да и к чему? Она не верила в воскрешение мертвых.

– Никто, – ответила наконец Роза. – Нет никакой Леоны. – Но, разумеется, это ложь. Леона была. Все они были. Отрекаясь от них, она понимала, что затягивает узел обмана еще

туже. В один прекрасный день, подумалось ей, эта петля затянется настолько, что задушит ее.

– Но Анни говорит, что ты называла ее Леоной, – настаивала Хоуп.

– Нет, она ошиблась, – мгновенноотреагировала Роза. – Никакой Леоны я не знаю.

– Но...

– Как там Анни? – поинтересовалась Роза, меняя тему. Анни она помнит хорошо. Анни – американка в третьем поколении ее семьи. Первая – Жозефина. Потом Хоуп. А теперь малышка Анни, рассвет перед самым наступлением ее, Розы, сумерек. Мало чем Роза могла гордиться в своей жизни. Но этим, этим она гордилась.

– У нее все отлично, – ответила Хоуп, но Роза заметила, что та как-то неестественно скривила губы. – В последнее время много времени проводит со своим отцом. Они почти целое лето вместе ходили на игры лиги Кейп-Кода. Роза покопалась в памяти.

– Что за лига?

– Бейсбольная. Летние состязания. Вроде тех игр, на которые дедушка водил меня, когда я была маленькой.

– Ну что ж, чудесно, дорогая, – сказала Роза. – И ты с ними ездила?

– Нет, Мами, – спокойно ответила Хоуп. – Мы с отцом Анни в разводе.

– Ах да, конечно, – прошептала Роза. Вглядываясь в лицо Хоуп, пока девочка сидела с опущенными глазами, она видела в нем такую же печаль, как в своем собственном, когда смотрелась в зеркало. – Ты все еще любишь его?

Хоуп резко вздернула голову, и Розе стало ужасно неловко: видимо, не стоило задавать этот вопрос. Она иногда забывает, что прилично, а что нет.

– Нет, – шепнула наконец Хоуп. И, не глядя в глаза Розе, прибавила: – Кажется, я вообще никогда не любила. Ужасно, правда? Наверное, я какая-то ненормальная.

У Розы сдавило горло. Боже, она и Хоуп передала свое проклятье. Теперь она это ясно видит. Ее собственное окаменевшее сердце принесло такие беды, каких она и вообразить не могла. Она одна во всем виновата. Но как ей убедить Хоуп, что любовь существует и способна менять все вокруг? Нет, не получится. Поэтому Роза снова откашлялась и попробовала сосредоточиться на настоящем времени.

– Ты совершенно нормальная, детка моя, – обратилась она к внучке.

Хоуп взглянула на бабушку и отвела глаз.

– А что если нет? – шепотом спросила она.

– Ты ни в чем не должна себя винить, – твердо сказала Роза. – Некоторые люди просто не созданы друг для друга.

Она снова покопалась в памяти. Ей никак не удавалось припомнить имя бывшего мужа Хоуп, зато точно знала, что никогда не была от него в восторге. Потому что он дурно обошелся с Хоуп? Или просто оттого, что он всегда казался ей каким-то чересчур сухим, чересчур уравновешенным?

– Он хороший отец для Анни, верно? – добавила она просто потому, что чувствовала потребность сказать что-то хорошее.

– Да, это правда, – напряженно произнесла Хоуп. – Он прекрасный отец. Покупает ей все, что она ни попросит.

– Но это не любовь, – тревожно отозвалась Роза. – Это ведь просто вещи.

– Ну, тогда не знаю. – Хоуп вдруг совсем поникла, вид у нее был измученный. Волосы упали, занавесом закрывая лицо, так что Роза никак не могла различить его выражение. В эту минуту она не сомневалась, что внучка плачет. Но, когда Хоуп снова подняла голову, слез в ее до боли знакомых глазах не было.

– У тебя кто-нибудь появился, другой мужчина? – спросила Роза, помолчав немного. – После развода?

Она думала о себе и о том, что иногда приходится жить дальше, хотя сердце твое уже отдано навек.

– Вот еще, нет, конечно. – Хоуп потрясла головой, избегая взгляда Розы. – Не хочу быть такой, как мама, – пробормотала она. – У меня на первом месте Анни. А не случайные ухажеры.

И тут Роза поняла. В мгновение ока ожили все эпизоды, все мельчайшие подробности детства ее внучки. Вспомнилось, как Жозефина постоянно искала любви в самых неподходящих для этого местах, выбирая самых неподходящих мужчин – а ведь любовь все это время была рядом, в глазах Хоуп. В памяти снова всплыли бесчисленные ночи, когда Жозефина бросала дочь на Розу, а сама бежала на свидание. Хоуп, тогда совсем еще малышка, засыпала, наплакавшись, на руках у Розы, которая крепко прижимала ее к себе. Роза видела перед собой мокрые пятна от слез на ее платяницах и вспомнила, как, уложив девочку спать, подолгу сидела опустошенная и одинокая.

– Ты не такая, как твоя мать, дорогая, – ласково сказал Роза. У нее разрывалось сердце – ведь все это происходит по ее вине. Кто же мог предвидеть, что некогда принятые ею решения больно отзовутся на следующих поколениях семьи?

Хоуп снова покашляла и, пряча глаза, сменила тему разговора.

– Так ты точно не помнишь, кто такая Леона? – повторила она.

Роза несколько раз моргнула, слыша имя, которое пробило в ее сердце еще одну дыру. Плотно сжав губы, она решительно помотала головой. Возможно, ложь будет не такой ужасной, если не произносить ее вслух.

– Странно, – с сомнением протянула Хоуп. – А Анни совершенно уверена, что ты несколько раз назвала ее так.

– Действительно, странно. – Как хотелось бы Розе дать девочке ответы на все вопросы, но она не может, не готова, для нее сказать всю правду – это как открыть шлюзы и вызвать наводнение. Она слышала, как плещется вода за стеной плотины, понимала, что скоро это случится и все хлынет наружу. Но пока еще все эти реки, приливы, бурные потоки – только ее, и она плавает по их волнам в одиночку.

Хоуп как будто хотела что-то сказать, но передумала и вместо этого крепко обняла Розу на прощание, пообещав, что обязательно скоро вернется. Она ушла, не оглянувшись. Роза смотрела, как уходит внучка, отметив, что темнота еще не совсем сгустилась. Хоуп не пробыла у нее даже до конца *heure bleue*. Розе сделалось грустно, хотя девочку она не винила. Роза знала, что в этом, как и во многом другом, – виновата только она сама.

Спустя какое-то время после того, как все звезды вышли на небосклон, заглянула любимая медсестра Розы – кожа у нее блестела, как *pain au chocolat*¹. Такие булочки Роза много лет назад приносила братишке Давиду и сестренке Даниэль. Медсестра зашла проверить, не забыла ли пациентка принять вечерние лекарства.

– Привет, Роза, – поздоровалась она, улыбаясь лучистыми глазами, проворно налила воды в стаканчик и открыла коробку с Розиными таблетками. – Ну что, сегодня у вас были гости?

Роза глубоко задумалась, изо всех сил пытаясь вспомнить. Какое-то мимолетное воспоминание промелькнуло, забрезжило в памяти, но ускользнуло. Она была уверена, что любовалась закатом одна, как каждый вечер.

– Нет, дорогуша, – уверенно ответила Роза.

– Вы уверены, Роза? – не отставала санитарка. Она протянула Розе таблетки в пластиковом стаканчике и наблюдала, как та глотает их, запивая водой. – Ну как же, Эми, дежурная на входе, сказала, что к вам внучка заходила. Хоуп.

¹ Булочка с шоколадной начинкой (*фр.*).

Роза заулыбалась, она любит Хоуп, девочке сейчас лет тринадцать-четырнадцать. «Как бежит время, – подумала она. – Я и оглянуться не успею, как она станет совсем взрослой».

– Нет, – сказала она санитарке, – сегодня никого не было. Но я вас как-нибудь непременно познакомлю. Она чудесная девочка. Может быть, придет навестить меня вместе со своей мамой.

Санитарка ласково пожала Розе руку и улыбнулась.

– Ну ничего, Роза, – пробормотала она, – ничего.

Глава 4

Я совершенно не собиралась возвращаться сюда, в кафе-кондитерскую, вообще на Кейп-Код – никогда.

Ничто не предвещало, что к тридцати шести годам я стану матерью дочери-подростка и владелицей кондитерской. В школе я мечтала уехать далеко-далеко, путешествовать по всему свету, стать преуспевающим юристом.

Потом встретила Роба, он уже учился на последнем курсе юридического, а я только поступила на программу бакалавриата. Мне-то казалось, что Кейп-Код обладает сильным магнетическим притяжением, но оно и сравниться не могло с силой, затянувшей меня на орбиту Роба. Когда мои противозачаточные таблетки не сработали – я к тому моменту поступила на первый курс юридического университета, – пришлось признаться Робу, что я беременна. Через неделю он сделал мне предложение. По его мнению, сказал он, так будет правильно.

Мы пришли к общему решению, что мне нужно взять академический отпуск, чтобы родить ребенка, и только после этого возвращаться к учебе. В августе родилась Анни. Роб получил работу на фирме в Бостоне и убедил меня побыть дома с дочерью подольше, ведь теперь он зарабатывает достаточно. Сначала идея мне понравилась. Но после первого совместно прожитого года между мной и им разверзлась такая пропасть, что я не представляла, как ее преодолеть. Мои будни, заполненные пеленками и памперсами, кормлением грудью и «Улицей Сезам», были неинтересны Робу, а я завидовала тому, что он каждый день уходит в большой мир и занимается тем, о чем я раньше мечтала сама. Я не жалела, что родила Анни, подобная мысль ни на секунду не посещала меня. Жаль только, что мне никогда так и не удастся пожить полной жизнью, для которой, как мне казалось, я была рож дена.

Когда девять лет назад маме поставили этот диагноз – рак груди, – Роб после долгих ночных препирательств и уговоров согласился перебраться в Кейп. Приехав, он обнаружил, что здесь есть возможность открыть свою контору, и стал в городке чуть ли не единственным адвокатом по делам о возмещении вреда здоровью. Мами в кондитерской присматривала за Анни, а я целый день работала у Роба помощником адвоката – конечно, не совсем то, о чем я мечтала, но, в общем, достаточно близко. Учась в первом классе, Анни уже вполне профессионально покрывала капкейки глазурью и защищала пирожки. Все вроде бы наладилось и в течение нескольких лет работало как часы.

Потом у мамы случился рецидив болезни, у Мами начались проблемы с памятью, и оказалось, что спасти кондитерскую кроме меня некому. Не успела я опомниться, как стала хранительницей мечты – да только не своей, – а тем временем упустила все, о чем некогда мечтала сама.

Сейчас почти пять утра, до рассвета еще часа два. Когда я еще ходила в школу, Мами, бывало, говорила, что встречать новое утро – все равно что разворачивать полученный от Бога подарок. Меня удивляло такое сравнение, так как набожностью Мами не отличалась и исправной прихожанкой не была. Однако по вечерам, приходя к ней на ужин, мы с мамой иногда заставляли ее стоящей на коленях у заднего окна – освещенная падающими лучами света, она тихо молилась.

– У меня с Богом свои отношения, – однажды ответила мне бабушка, когда я спросила, почему она молится дома, а не пойдет в церковь Святой Девы.

Нынешним утром на кухне пахнет мукой, дрожжами, маслом, шоколадом и ванилью, я дышу всем этим полной грудью, знакомые запахи дарят успокоение. С раннего детства они связаны у меня с бабушкой – даже после того, как она, закрыв кондитерскую, принимала душ и переодевалась в домашнее, от ее кожи и волос веяло кухонными ароматами.

Я защипываю пирожки, добавляю муки в здоровенный миксер, но в мыслях я далеко от всего этого. Я думаю о том, что сказала Мами вчера вечером, а сама тем временем методично выполняю одно за другим привычные утренние дела. Проверяю таймер духовки № 1, в которой стоят безе с шоколадной крошкой. Раскатываю тесто для марципанно-розовых корзиночек, которые так любит Мэтт Хайнс. Прослаиваю начинкой пахлаву и засовываю ее в духовку № 2. Кладу во второй миксер размягченный сливочный сыр для лимонно-виноградного чизкейка. Завертываю квадратики горького французского шоколада в слоеное тесто – для *pains au chocolat*. Заплетаю в длинные косы жгуты теста из пшеничной муки – это будут халы, – посыпаю сверху изюмом и отставляю в сторону, чтобы подошли.

«Ты совершенно нормальная, детка моя», – уверяла Мами. Но откуда ей это знать? Память ее почти совсем оставила, можно сказать, все настройки сбиты. И все же иной раз взгляд у нее бывает таким же ясным, как прежде, и тогда мне кажется, будто ее глаза, как когда-то, заглядывают мне прямо в душу. Я никогда не сомневалась, что они с дедушкой любили друг друга, но их отношения всегда казались мне скорее деловыми, чем романтическими. Может быть, и у меня с Робом было так же, и я легко отказалась от них, потому что надеялась, что где-то меня ждет нечто большее? Наверное, я дура. Жизнь – не волшебная сказка.

Пищит таймер первой духовки, и я переставляю безе на решетку, чтобы они остыли. Потом снова включаю духовку, чтобы поставить в нее противень с *pains au chocolat*. По утрам я выпекаю их в двойном количестве – сейчас, с наступлением осенней прохлады, они расходятся быстрее. Пирожные и тарты с фруктами лучше идут у нас в весенние и летние месяцы, а с приближением зимы, по-моему, людей тянет на более плотную сдобу.

Помогать Мами в кондитерской, как сейчас Анни помогает мне, я начала, когда мне исполнилось восемь. Каждое утро, перед самым восходом солнца, Мами бросала свои занятия и подводила меня к боковому окну, которое смотрело прямо на восток, поверх извивающейся Мэйн-стрит. Мы молча глядели на горизонт, пока не забрезжит рассвет, и только после этого возвращались к хлопотам у плиты.

– На что ты там все время смотришь, Мами? – поинтересовалась я у нее как-то утром.

– Смотрю на небо, детка, – сказала она.

– Это ясно. Но зачем?

Притянув к себе, Мами обняла меня, прижав к выцветшему розовому фартуку – она его носила всегда, сколько я себя помнила. Я даже испугалась, так крепко она меня держала.

– *Chérie*, я смотрю, как исчезают звезды, – ответила она, помолчав с минуту.

– А почему? – не поняла я.

– Потому что, даже когда звезды не видны, они все равно там, – сказала Мами. – Они просто прячутся за солнцем.

– Ну и что?

Бабушка разжала объятия и, наклонившись, заглянула мне в глаза.

– Потому что, дорогая, это очень здорово – понимать, что пусть ты чего-то не видишь, но все же знаешь, что оно существует.

Слова Мами из далекого прошлого – с тех пор минуло без малого тридцать лет – все еще эхом отдаются у меня в ушах, когда голосок Анни заставляет меня вздрогнуть от неожиданности.

– Ты почему плачешь? – спрашивает дочка. Поднимаю голову и с удивлением понимаю, что она права – по щекам у меня катятся слезы. Я торопливо смахиваю их тыльной стороной ладони, попутно перемазав лицо тестом, и изображаю улыбку.

– Я не плачу.

– Ну мне-то ты можешь не врать. Я вздыхаю.

– Просто я думала о Мами.

Анни делает большие глаза и корчит гримасу.

– Отлично, *теперь* ты решила изобразить переживания!

Она бросает в угол рюкзак – тот с глухим стуком приземляется на пол.

– Что это значит?

– *Сама знаешь*, – фыркает Анни. Она закатывает рукава своей розовой рубашки, хватает фартук с крючка, слева от решеток, на которые я складываю противни с выпечкой.

– Нет, *не знаю*, – упорствую я. И, замерев, смотрю, как Анни достает из стального холодильника упаковку яиц и четыре пачки масла, хватая с полки мерный стакан. Она летает по кухне так же грациозно, как когда-то Мами.

Анни сначала сбивает масло в большом стационарном миксере, добавив четыре стакана сахара и по одному подмешивая яйца, и лишь после этого отвечает:

– Может, если бы ты могла, типа, испытывать хоть какие-то чувства, когда выходила замуж за папу, сейчас бы вы не разошлись, – произносит она наконец, перекрывая рев миксера.

У меня перехватывает дыхание, я смотрю на дочь, вытаращив глаза:

– Ты о чем? Я испытывала чувства и не скрывала их. Анни выключает миксер.

– Неважно, – бурчит она. – Не скрывала... Только когда, типа, злишься и отправляешь меня в мою комнату и все такое. А хоть бы раз сделала вид, что ты с папой, типа, счастлива!

– Я была счастлива!

– Неважно, – отвечает Анни. – Не могла даже сказать папе, что любишь его.

Я хлопаю глазами.

– Это он тебе такое сказал?

– А что я, маленькая, сама, типа, ничего не вижу? – огрызается дочь, но по тому, как бегают ее глаза, я догадываюсь, что попала в точку.

– Анни, твой отец не должен был говорить тебе плохое обо мне, – говорю я. – В наших отношениях есть много такого, чего ты не понимаешь.

– Например? – спрашивает Анни с вызовом.

Я прикидываю, что ответить, и в конце концов решаю не втягивать дочь во взрослые разборки – неправильно это, ей незачем в них участвовать.

– Это касается только меня и твоего отца. На это Анни громко смеется, закатывая глаза.

– *Он-то* мне доверяет и говорит откровенно, – чеканит она. – А ты – знаешь что? Ты все разрушаешь, мамочка.

Я не успеваю ответить, потому что на входной двери в кафе звякает колокольчик. Смотрю на часы – до шести, когда мы официально открываемся, еще несколько минут, но Анни, видимо, забыла запереть дверь, когда вошла.

– Мы еще поговорим об этом, барышня, – ледяным тоном говорю я.

– Неважно, – бормочет Анни себе под нос.

Она отворачивается к миксеру, и я краем глаза замечаю, как она добавляет муки и молока, потом ванили.

– Доброе утро, Хоуп, ты здесь? – раздается голос Мэтта, и я выскакиваю в зал.

Слышу, как Анни шепчет: «Ну, *конечно*, это он», но делаю вид, что ничего не слышала.

Миссис Кунц и миссис Салливан появляются, как всегда ровно в 7:30, и Анни немедленно бросается к ним. Обычно она предпочитает оставаться на кухне и, нацепив наушники своего айпода, занимается капкейками и пирожками. Это дает ей возможность игнорировать меня, пока не наступает время бежать в школу. Но сегодня она – сама приветливость – с лучезарной улыбкой выскакивает к посетителям и наливает кофе, даже не дав им шанса сделать заказ.

– Вот сюда, пожалуйста, дайте-ка, я подвину вам стулья, – воркует она, жонглируя двумя чашками и крохотным кувшинчиком сливок, а старушки семяют за ней, переглядываясь.

– Что ж, спасибо, Анни, – произносит миссис Салливан, пока Анни ставит чашки и сливки на столик и выдвигает стул, помогая ей сесть.

– Пожалуйста! – радостно отзывается Анни. На миг мне кажется, что та девочка, что обитала в ее теле до развода, вернулась. Миссис Кунц тоже бормочет благодарность, и Анни щебечет: – Не за что, мэм!

Она зависает с клиентками, пока они делают первые глотки горячего кофе, мнется с ноги на ногу и буквально сгорает от нетерпения, выжидая, когда миссис Салливан наконец неторопливо надкусит свой маффин с черникой, а миссис Кунц попробует пончик с корицей и сахаром.

– Э-э, извините, можно я, типа, кое-что у вас спрошу? – нарушает тишину Анни.

Я протираю стойку и замираю, пытаюсь расслышать, что же ей так не терпится узнать.

– Конечно, дорогая, – отвечает миссис Кунц. – Только ты не должна вставлять «типа» вот так, прямо посреди предложения.

– Чего? – озадаченно переспрашивает Анни.

Брови миссис Кунц лезут на лоб, и Анни хватается сообразительности поправиться:

– В смысле, *извините*.

– Слово «типа» не следует использовать в предложении в качестве вводного, – настаивательно поясняет миссис Кунц моей дочери.

Я наклоняюсь за стойку, чтобы скрыть улыбку.

– Ну да, – говорит Анни. – В смысле, я знаю. Вынырнув из-под стойки, я замечаю, что лицо у нее пылает. Мне становится не по себе, жалко девочку: миссис Кунц в десятом классе вела у нас английский – она крепкий орешек. Я уже хочу подойти и заступиться за Анни, но не успеваю, потому что в бой бросается миссис Салливан.

– Ах, Барбара, отстань от ребенка, – говорит она, слегка ударяя подругу по руке. Потом, обернувшись к Анни, продолжает: – Не обращай на нее внимания. Она просто привыкла командовать своими учениками, а теперь на пенсии, вот и скучает.

Миссис Кунц пытается возразить, но миссис Салливан снова шлепает ее и улыбается Анни:

– Ты о чем-то хотела нас спросить, детка? Анни откашливается.

– Ну... ага... то есть я хотела сказать, да, мэм. Я просто подумала... – Девочка делает паузу, и старые дамы ждут. – Ну, вы ведь были знакомы с моей бабушкой, правда?

Дамы переглядываются, потом снова поворачиваются к Анни.

– Да, конечно, – отвечает наконец миссис Салливан. – Мы знали ее много лет. Как она себя чувствует?

– Нормально, – мгновенно реагирует Анни. – В смысле, не совсем. У нее кое-какие... проблемы. Но, хм, вообще нормально.

Щеки у нее снова горят.

– Вообще-то, я хотела спросить, вы случайно не знаете, кто такая Леона?

Дамы снова переглядываются.

– Леона, – медленно повторяет миссис Салливан. Она с минуту размышляет и качает головой. – Что-то не припоминаю. Имя незнакомое. Барбара?

Миссис Кунц отрицательно качает головой.

– Нет, никакой Леоны я не знаю. А в чем дело? Анни стоит, опустив глаза.

– Просто она меня все время так называет. Мне просто интересно, типа, кто же это такая. – Анни на миг замирает от ужаса и лепечет: – Извините, что сказала «типа».

Миссис Салливан нагнувшись, треплет мою девочку по руке:

– Ну что, добила своего, напугала ребенка, Барбара, – укоряет она подругу.

– Я просто хотела поправить ее, – вздыхает миссис Кунц.

– Отлично, но сейчас для этого не время и не место, – строго замечает миссис Салливан и подмигивает Анни. – А почему тебе это так важно, детка? Знать, кто такая эта Леона?

– Бабушка, по-моему, грустит по ней, – отвечает Анни так тихо, что я еле улавливаю слова. – А я так мало о ней знаю, понимаете? О своей бабушке, в смысле. Мне ее так жалко, хочется ей помочь, но не знаю как.

На этих словах в кафе входят новые посетители, незнакомые мне седой мужчина и молодая блондинка, и я, обслуживая их, упускаю часть разговора Анни со старыми дамами. Блондинка выбирает кусочек морковного торта, спросив предварительно, нет ли у нас чего-нибудь диетического – у нас ничего такого нет, – а ее спутник (на вид он старше ее на несколько десятков лет, слишком стар, чтобы томно пожимать ей руку и чмокать в ушко) заказывает эклер. Когда они уходят и я снова могу посмотреть на Анни, она сидит за столиком рядом со старушками.

Глянув на часы, я уже собираюсь напомнить Анни, что через несколько минут ей надо выходить, чтобы не опоздать в школу, но застываю на месте, увидев выражение ее лица, серьезное и искреннее. В последнее время я привыкла к дочкиному ворчанию и закатыванию глаз – со мной она только так и ведет себя, – но в эту минуту Анни совершенно другая, она совсем не ломается. Я сглатываю.

Потом вхожу в зал с губкой и спреем, чтобы заодно с уборкой послушать их разговор. Дамы, как я понимаю, рассказывают Анни историю появления Мамаи на Кейп-Коде.

– В городке все девушки были влюблены в Теда, твоего прадедушку, – рассказывает миссис Кунц.

– Да еще как! – Миссис Салливан обмахивается газетой. – Помню, в выпускном классе я все тетрадки исписала его именем рядом со своим.

– Он был постарше нас, – добавляет миссис Кунц.

– На четыре года, – кивает миссис Салливан. – Он уехал учиться в колледж – в Гарвард, ты знаешь, – но каждые несколько недель приезжал домой погостить. У него была машина, красивая, редкость по тем временам. Конечно, все девушки на него заглядывались.

– Очень был приятный молодой человек, – соглашается миссис Кунц, – и вступил в армию, как и многие другие, после Пёрл-Харбора.

Старушки разом умолкают, рассматривают собственные руки. Я догадываюсь, что они вспоминают других молодых людей, которых они потеряли тогда, много лет назад. Анни ерзает на сиденье и наконец не выдерживает:

– И что было дальше? Он на войне познакомился с моей прабабушкой, да?

– В Испании, кажется. – Миссис Кунц, ища подтверждения, оглядывается на миссис Салливан. – Его ранили где-то на севере Франции или в Бельгии, по-моему. Я никогда не слышала эту историю в подробностях; здесь все долго считали его пропавшим без вести. А я была уверена, что он погиб. Но ему как-то удалось бежать в Испанию, и твоя прабабушка тоже там оказалась.

Анни торжественно кивает, будто знает эту историю наизусть, хотя мой дедушка умер за двенадцать лет до ее рождения.

– Она, конечно, французенка, твоя прабабушка Роза. Насколько я понимаю, ее родители умерли, когда она была совсем еще девочкой, и она решила уехать из Франции, где бушевала война, так? – подхватывает нить повествования миссис Салливан, поглядывая на миссис Кунц.

Миссис Кунц кивает:

– Мы так и не узнали, где именно и как они познакомились, но мне тоже кажется, что Роза жила тогда в Испании. Но какой же это был год – сорок четвертый? – когда мы вдруг услышали, что Тед вернулся в Америку и что он женат на девушке из Франции?

– Конец сорок третьего, – поправляет миссис Салливан. – Я точно помню. Мне тогда как раз исполнилось двадцать.

– Ах, ну да-да, конечно. Ты лила горячие слезы прямо в именинный торт. – Миссис Кунц подмигивает Анни. – Она в школе по-детски влюбилась в твоего прадеда, прямо голову потеряла. А твоя прабабушка его похитила.

Миссис Салливан корчит гримаску.

– Она была на два года младше нас, да еще этот экзотический французский акцент. На мальчиков акцент ведь так действует!

Анни опять кивает с серьезным видом, как будто речь идет о чем-то, интуитивно ей понятном. Я прячу улыбку, притворившись, будто поглощена удалением особо упрямого пятна. Ни разу бабушка не рассказывала мне о том, как они познакомились с дедушкой. Мами вообще редко вспоминала прошлое, и мне интересно послушать, что еще помнят старушки.

– Потом Тед защитил диплом и нашел работу в Нью-Йорке, в средней школе, – рассказывает миссис Кунц. – А уже после этого они с твоей прабабушкой вернулись сюда, на Кейп-Код. Это когда он получил работу в школе «Си Оутс».

Мой дед, защитивший диссертацию по школьному образованию, был директором престижной частной школы в соседнем городке. В те времена в ней учились дети от дошкольной группы до двенадцатого класса, а сейчас там только старшие классы. Туда я собираюсь отдать Анни в девятом классе – обучение для нее будет бесплатным, в память о дедушке.

– А... кхм... бабушка тогда уже была? – спрашивает Анни. – Когда Мами и мой прадедушка сюда переехали?

– Да, твоей бабушке Жозефине было тогда – сколько же – лет пять, пожалуй? Или шесть, когда они переехали? – отвечает миссис Салливан. – Они вернулись на Кейп в пятидесятом. Я точно это помню, потому что в тот же год я вышла замуж.

Миссис Кунц кивает.

– Да, Жозефина, если не ошибаюсь, пошла в первый класс, когда они перебрались сюда.

– А Мами тогда открыла кондитерскую? – продолжает спрашивать Анни.

– Мне помнится, это случилось на несколько лет позже, – колеблется миссис Кунц, – но это, наверное, знает твоя мама.

И она окликает меня: «Хоуп, дорогая!»

– Что такое? – поднимаю я голову, сделав вид, что не слышала их разговора.

– Анни спрашивает, когда твоя бабушка открыла эту кондитерскую.

– В пятьдесят втором году, – отвечаю я. Смотрю на Анни, а она на меня. – Ее родители, мне кажется, держали такую же кондитерскую во Франции.

Кроме этого никаких других подробностей о прошлом Мами я не знаю. Она никогда не рассказывала мне о том, как жила до знакомства с дедом.

Анни, игнорируя меня, снова отворачивается к пожилым дамам.

– А кого-нибудь по имени Леона вы, значит, не знаете? – настаивает она.

– Нет, – повторяет миссис Салливан. – Может, так звали подружку твоей прабабушки во Франции?

– Здесь-то у нее никогда не было близких подруг, – замечает миссис Кунц. Потом, бросив на меня виноватый взгляд, поспешно добавляет: – Она очень милая, разумеется. Просто держалась немного особняком, вот и все.

Я киваю и задумываюсь, а была ли в том вина Мами. Она, конечно, немногословна и замкнута, но мне почему-то не кажется, что миссис Кунц, миссис Салливан и другие житель-

ницы городка встретили новую соседку с распростертыми объятиями. Вдруг делается ее страшно жалко.

Я снова гляжу на часы.

– Анни, тебе пора. А то в школу опоздаешь.

Глаза превращаются в узкие щелочки, и в один миг прежняя Анни исчезает, теперь она снова ненавидит меня.

– Нечего мной командовать, ты мне не начальница, – бурчит она.

– Вообще-то, юная леди, – вмешивается миссис Кунц, стрельнув глазами в мою сторону, – мама действительно твоя начальница. Ведь она отвечает за тебя, пока тебе не исполнится восемнадцать лет.

– Неважно, – еле слышно бормочет Анни.

Она поднимается из-за стола и несется на кухню. И через секунду выскакивает оттуда с рюкзаком.

– Спасибо, – на бегу благодарит она миссис Кунц и миссис Салливан. – В смысле, спасибо, что рассказали мне про прабабушку.

Не удостоив меня взглядом, Анни распахивает дверь и, сделав шаг, оказывается на Мэйн-стрит.

Когда я уже закрываюсь, заглядывает Гэвин, чтобы вернуть запасной комплект ключей, который я дала ему два дня назад. На нем все те же джинсы с дырой на бедре – с последней нашей встречи она лишь чуть-чуть увеличилась.

– Трубу я вам починил, – говорит он, а я наливаю ему кофе – последняя чашка на сегодня. – Посудомоечная машина работает как новенькая.

– Прямо не знаю, как вас благодарить. Гэвин улыбается.

– Спорю, знаете. Все мои слабости вам ведомы. Пирог «Звезда». Штрудель с корицей. Холодный кофе. – Он заглядывает в свою чашку, картинно выгибает бровь и делает глоток.

Я хохочу, несмотря на смущение.

– Я прекрасно понимаю, что должна заплатить вам кое-чем посущественнее выпечки, Гэвин. Простите меня.

Он смотрит на меня снизу вверх.

– Мне не за что вас прощать, – улыбается он. – Вы просто недооцениваете мою любовь к вашим произведениям.

Я бросаю на него укоризненный взгляд.

– Серьезно, Хоуп, все отлично. Вы делаете все что можете, стараетесь изо всех сил.

Я вздыхаю, укладывая последние из оставшихся мариципанно-розовых пирожных в плоскую пластиковую коробку, которую на ночь поставлю в морозильник.

– Выходит, что «изо всех сил» недостаточно, – шепчу я себе под нос.

Утром Мэтт занес мне кипу документов, а я даже не полистала их, хотя и понимаю, насколько это важно. Эти бумаги меня пугают.

– Вы себя недооцениваете, – говорит Гэвин. И, не дав мне ответить, продолжает: – Стало быть, Мэтт Хайнс тут частенько бывает.

Он отпивает еще кофе. Я поднимаю голову, оторвавшись от коробок с выпечкой.

– Он приходит по делам, – объясняю я, недоумеваю, с чего это я перед ним оправдываюсь.

– М-м-м. – Вот и весь ответ Гэвина.

– Мы с ним встречались в старших классах, – добавляю я. Гэвин рос в Бостоне – как-то вечером на веранде он рассказывал мне о своей школе в Пибоди – и поэтому я думаю, что ему неизвестно о наших былых отношениях с Мэттом.

К моему удивлению, он замечает:

– Знаю. Но это было очень давно. Я киваю:

– Это было очень давно.

– Как Анни, справляется? – Гэвин снова меняет тему разговора. – Со всей ситуацией между вами и вашим бывшим и со всем прочим?

Я смотрю на Гэвина. За последнее время никто об этом не спрашивал. Сама удивляюсь, поняв, насколько я благодарна ему за этот вопрос.

– Спасибо, все в порядке, – машинально отвечаю я, но, помолчав немного, поправляюсь: – Вообще-то сама не знаю, почему я так говорю. Ничего у нас не в порядке. Анни злится на меня в последнее время, а я не понимаю, как мне себя вести. Я вроде бы догадываюсь, что где-то там, внутри, прячется настоящая Анни, но сейчас дочка только норовит побольнее меня обидеть.

Не знаю, с чего это я с ним разоткровенничалась. Но Гэвин просто медленно кивает, на лице его не заметно осуждения, за что я ему благодарна. Я начинаю влажной тряпкой протирать прилавок.

– В ее возрасте такие вещи трудно пережить, – говорит Гэвин. – Я был всего на пару лет старше, когда мои родители развелись. У нее просто все в голове перепуталось, Хоуп. Но она с этим справится.

– Вы думаете? – сдавленным голосом спрашиваю я.

– Я знаю. – Гэвин встает, подходит и накрывает мою руку своей. Я перестаю протирать стойку и смотрю на него. – Она хорошая девчонка, Хоуп. Я наблюдал за ней летом, когда делал у вас ремонт.

У меня на глаза наворачиваются слезы, и я чувствую себя страшно неловко. Украдкой смаргиваю их.

– Спасибо. – Я выдерживаю паузу и отнимаю руку.

– Если я могу чем-то помочь... – произносит Гэвин. Не закончив фразу, он смотрит мне в глаза так пристально, что я краснею и отворачиваюсь.

– Вы очень добры, Гэвин, – говорю я. – Но уверена, вы сможете найти лучшее занятие, чем заботиться о старушке из кондитерской.

Бровь у Гэвина снова выгибается дугой.

– Не вижу тут никаких старушек.

– Это очень любезно с вашей стороны, – шепчу я, – но вы молодой, холостой... – Я делаю паузу. – Вы ведь холостяк, кажется?

– С утра вроде был.

Я стараюсь не обращать внимания на неожиданное чувство облегчения, охватившее меня при этих словах.

– Ну, мне все-таки тридцать шесть, скоро будет семьдесят пять. Я разведена и на грани финансового краха. И еще я мать ребенка, который меня ненавидит. Разве вам не лучше заняться чем-то... ну, не знаю, чем обычно занимаются молодые, свободные люди?

– Чем занимаются молодые, свободные люди? – повторяет Гэвин. – Чем же это, например?

– Не знаю. – Я чувствую себя довольно глупо. Сто лет не думала о себе как о молодой. – Ходить по ночным клубам?

Гэвин разражается громким смехом.

– Ну да, ну да, как раз ради здешних многочисленных клубов я и переехал сюда, на Кейп. Да и сейчас вообще-то я как раз возвращаюсь с сабантуя.

Я улыбаюсь, но мне не смешно.

– Знаю, что это звучит глупо. Но опекать меня не нужно. Да, хлопот у меня невпроворот. Но со своими проблемами я всегда справлялась сама. И сейчас справлюсь.

– Разок довериться кому-то можно, вы же сами понимаете, – мягко втолковывает мне Гэвин.

Раздраженно вскинув голову, я открываю рот, чтобы ответить, но он меня опережает.

– На днях я уже говорил, что вы хорошая мать, – продолжает он. – Вам просто пора перестать сомневаться в себе.

Я опускаю глаза.

– Похоже, я только все порчу вокруг себя. – Чувствую, как снова краснею, и бормочу: – Сама не знаю, зачем я вам все это говорю.

Слышится тяжелый вздох Гэвина, а в следующее мгновение он обходит вокруг прилавка и обхватывает меня руками. С бешено бьющимся сердцем я прижимаюсь к нему. Я стараюсь не думать о его мускулистой груди, а просто закрываю глаза: как же здорово, когда тебя вот так обнимают. Рядом со мной ведь не осталось никого, ни одного человека, кто мог бы вот так прижать и ободряюще похлопать по спине, а я и не догадывалась, насколько мне этого не хватает.

– Ты ничего не портишь, Хоуп, – шепчет Гэвин, уткнувшись мне в волосы. – Перестань заниматься самобичеванием. Ты самый стойкий человек из всех, кого я знаю.

Помолчав, он добавляет:

– Я знаю, как туго тебе приходится в последнее время. Но еще неизвестно, что принесет завтрашний день – или послезавтрашний. Один день, одна неделя, один месяц могут все изменить.

Я пристально гляжу на него и отступаю на шаг.

– Моя мама так часто говорила. Теми же словами.

– Да? – удивляется Гэвин.

– Представь.

– Ты мне никогда о ней не рассказывала.

– Знаю, – шепчу я.

На самом деле мне слишком больно о ней вспоминать. Все мои детские годы прошли в надежде, что если я постараюсь вести себя лучше, помогать по дому или чаще благодарить маму за все, то она будет чуть больше меня любить. Вместо этого мама с каждым годом, как мне казалось, уплывала от меня все дальше и дальше.

Когда ей поставили диагноз рак груди, и я приехала домой, чтобы ей помочь, все повторилось сначала. Я надеялась, что она увидит и поймет наконец, как я люблю ее, но мама, даже умирая, по-прежнему держала меня на расстоянии. Когда, уже на смертном одре, она вдруг сказала, что любит меня, это прозвучало неискренне. Так хотелось бы ей поверить, но я понимала: мама была в полузабытьи и, по-видимому, бредила – она считала, будто разговаривает с одним из своих многочисленных бойфрендов.

– Мы всегда были ближе с бабушкой, чем с мамой, – объясняю я Гэвину.

Гэвин кладет руку мне на плечо.

– Грустно, что ты ее потеряла, я сочувствую, Хоуп, – говорит он. Мне не совсем понятно, кого именно он имеет в виду – мою мать или Мами, ведь в каком-то смысле они обе меня покинули.

– Спасибо, – отвечаю я шепотом.

Через несколько минут Гэвин уходит с коробкой штруделя. Я смотрю ему вслед, а сердце глухо колотится в груди. Не знаю почему, но он, кажется, верит в меня больше, чем я сама. Но сейчас думать об этом некогда – передо мной стоят более насущные вопросы: нужно разобраться, как выходить из ситуации с банковским кредитом. Потерев виски, я включаю электрический чайник и, усевшись за один из столиков кафе, погружаюсь в изучение полученных от Мэтта бумаг.

Глава 5

– Нам надо поговорить.

Прошло полторы недели, и я стою у двери Роба – в прошлом своей, – скрестив руки на груди. Смотрю на своего бывшего мужа и не вижу ничего – только боль, обиду, предательство. Кажется, что человек, которого я любила, исчез, растворился без следа.

– Ты могла бы и позвонить, Хоуп, – произносит он. Роб не предлагает мне войти, стоит в дверном проеме, словно часовой, охраняющий то, что у него за спиной.

– Я и звонила. Дважды домой и дважды в твой офис. Но ты не перезвонил.

Роб пожимает плечами.

– Я был занят. Но рано или поздно перезвонил бы. Он переминается с ноги на ногу, и на миг мне кажется, что в его взгляде мелькнула грусть. И тут же исчезла.

– Что тебе нужно? – спрашивает он.

Я глубоко вздыхаю. Ненавижу выяснять отношения с Робом, всегда ненавидела. Однажды он признался, что рад тому, что в нашей паре юристом стал он, а я бросила учебу и занялась ребенком. «Ты не борец, – объяснил он. – Чтобы работать в суде, необходим бойцовский характер».

– Нам надо поговорить об Анни, – мрачно говорю я.

– А что с ней такое? – удивляется он.

– Ну, во-первых, нам нужно условиться об основных правилах. Ей двенадцать лет. Нельзя разрешать ей делать макияж в школу. Она еще ребенок.

– Господи, Хоуп, так весь сыр-бор из-за этого? – Роб хохочет. Его смех оскорбил бы меня, не зная я, что он регулярно прибегает к этому приему в суде, дискутируя с адвокатами и свидетелями противной стороны. – Да она уже практически взрослая девица. Не можешь же ты заставить ее всегда быть маленькой девочкой.

– Даже и не пытаюсь. – Я делаю глубокий вдох и стараюсь сосредоточиться. – Но я хотела бы установить какие-то границы. Если я буду их устанавливать, а ты подрывать и опровергать мои слова, Анни никогда ничему не научится. А пока что она меня ненавидит.

Роб улыбается, и меня, возможно, покорила бы эта покровительственная улыбка, если бы бесконечными ночами, пока мы еще были женаты, я не наблюдала, как он отработывает эту свою убийственную усмешку перед зеркалом.

– Так *вот*, стало быть, о чем речь.

Стратегическая Уловка Роба Смита номер два: изобразить уверенность в том, что ты точно знаешь, о чем думает твой оппонент, – и его мысли для тебя не секрет.

– Нет, Роб. – Я тру переносицу, на секунду прикрыв глаза. *Спокойно, Хоуп. Не позволяй втянуть себя в это.* – Речь о том, чтобы наша дочь стала достойной и порядочной молодой женщиной.

– Достойной и порядочной молодой женщиной, которая не будет тебя ненавидеть, – поправляет он. – Может, тебе стоит дать девочке хоть какую-то возможность быть самой собой, Хоуп. Я именно это и делаю.

Я смотрю прямо на него.

– Нет, это не так, – возражаю я. – Ты пытаешься изобразить клевого папочку, так что я на твоём фоне поневоле выгляжу строгой и требовательной. Это нечестно.

Роб пожимает плечами:

– Ерунда какая-то!

– Кроме того, – продолжаю я, не давая себя сбить, – совершенно недопустимо, что ты говоришь Анни обо мне гадости.

– Что же я такого сказал? – Роб шутливо поднимает руки, делая вид, что сдаётся.

– Например, ты сказал ей, что я неспособна на чувства и никогда не говорила тебе, что люблю тебя. – Горло у меня слегка перехватывает, и я глубоко дышу.

Роб удивленно глядит на меня.

– Ты что, серьезно?

– Глупо сообщать о таком дочери. И потом – я говорила тебе, что люблю.

– Правда, Хоуп? И часто? Раз в год?

Я отворачиваюсь, эта тема мне особенно неприятна.

– Можно подумать, что ты – неуверенная в себе девчушка-подросток, – шепчу я. – Может, нужно было еще сплести для тебя фенечку «Лучшей подружке»?

Роба это, похоже, ничуть не позабавило:

– Я просто не хочу, чтобы наша дочь обвиняла в нашем разводе меня.

– То есть наш развод никак не связан с интрижкой, которую ты завел с той девицей из универсама «Мейсис» в Хайаниссе?

Роб снова пожимает плечами:

– Если бы дома я чувствовал эмоциональный отклик...

– Ах, так ты, оказывается, искал *эмоционального отклика*, когда затащил в постель двадцатидвухлетнюю девчонку, – саркастически замечаю я и делаю новый глубокий вдох. – Знаешь, я вот не считаю возможным рассказать Анни об этой истории. Это касается только нас с тобой. Она не знает, что ты изменял, – я считаю, что ей не нужно видеть собственного отца в дурном свете.

– С чего ты взяла, что ей об этом неизвестно? – спрашивает он, и я на миг лишаюсь дара речи.

– Ты хочешь сказать, что она знает?

– Я хочу сказать, что пытаюсь быть с ней честным. Я ведь отец ей, Хоуп. Такая уж у меня должность.

Я на минуту замолкаю, пытаюсь осознать, о чем он мне сейчас говорит. Мне-то казалось, что я защищаю дочь – и ее отношения с отцом – как раз тем, что не втягиваю ее в наши дразги.

– Что именно ты ей сказал? – задаю я вопрос. Роб отмахивается.

– Анни спросила о разводе. Я отвечал на ее вопросы.

– Обвиняя во всем меня.

– Объясняя, что все не так просто, как кажется на первый взгляд.

– Что ты хочешь сказать? Что это я довела тебя до измены? Роб поднимает палец.

– Это ты сказала, а не я. Я сжимаю кулаки.

– Это касается только нас с тобой, нас двоих, Роб. – Голос у меня дрожит. – Не втягивай в это Анни.

– Хоуп, я только пытаюсь делать то, что лучше для Анни. У меня есть серьезные причины опасаться, что она станет похожей на тебя и твою мать.

Слова причиняют мне настоящую физическую боль.

– Роб... – начинаю я. Но не могу найти слов. После паузы он разводит руками.

– Мы тысячу раз говорили об этом. Тебе известно мое отношение. Мне известно твое отношение. Мы из-за этого и развелись, ты что, забыла?

Я не согласна с тем, что говорит Роб. Мне очень хочется возразить: причиной развода было то, что он заскучал. Стал терять уверенность в себе. Ему не хватало острых ощущений. Закрутил интрижку с девицей двадцати двух лет без мозгов и с ногами от шеи.

Но я не могу не признать, что в словах моего бывшего мужа есть и крупица правды. Чем очевиднее становилось, что Роб от меня ускользает, тем больше я замыкалась в себе – вместо того чтобы вцепиться и не отпускать. Я подавляю чувство вины.

– Никакого макияжа, – говорю я не допускающим возражений тоном. – В школу – исключено. Это неприлично. И никакого обсуждения с ней деталей нашего развода. Это чересчур для ребенка двенадцати лет.

Роб открыл было рот, чтобы ответить, но я останавливаю его, подняв руку.

– Это не обсуждается, Роб. – Хватит с меня – на сей раз я не настроена на дискуссию.

Мы молча смотрим друг на друга, и мне интересно, не думает ли он о том же, о чем и я: о том, что мы, по существу, стали друг для друга чужими. Кажется, с тех пор, как я клялась ему в вечной любви, прошла целая жизнь.

– И наши с тобой отношения здесь ни при чем, – заканчиваю я. – Это в интересах Анни.

И спешу ретироваться, прежде чем он успеет ответить.

Я уже подъезжаю к дому, когда у меня звонит мобильник. Смотрю, кто вызывает – это Анни. Телефон куплен ей с условием, что она будет звонить только в крайнем случае, хотя я догадываюсь, что Роб позволяет ей без ограничения болтать и переписываться с приятелями. Ведь именно так поступают клевые родители, только так и не иначе. Чувствую, как внутри все сжимается.

– Ты почему не на работе? – спрашивает Анни, когда я отвечаю. – Я сперва туда тебе звонила.

– Нужно было съездить кое-куда... – Я подыскиваю объяснение, чтобы не упоминать отца... – В разные места.

– В четверг в четыре часа? – хмыкает Анни. На самом деле торговля сегодня шла вяло, до часу дня в кафе вообще никто не заглянул, так что у меня было полно времени поразмыслить о Робе и Анни. О том вреде, который он ей наносит, пока я от всего отстранилась и ищу забвения в выпечке. После уроков Анни собиралась навестить Мами, поэтому я не боялась столкнуться с ней у Роба.

– Народу совсем не было, – вот и все, что я говорю дочери.

– Ну и ладно, – отмахивается она, и я понимаю, что звонит она не просто так. Я решаю, что не дам себя разжалобить, и пытаюсь догадаться, чего попросит Анни – денег, билеты на концерт, а может, туфли на каблуках в десять сантиметров (я заметила, как вчера она их разглядывала в моем модном журнале). Но вместо этого Анни спрашивает как-то странно, почти смущенно: – А ты не можешь, типа, подъехать к Мами, вот прямо сейчас?

– Что-то случилось? – тут же пугаюсь я.

– Ага, – отвечает Анни. Она понижает голос. – Вообще-то, даже как-то чудно, но Мами сегодня реально в норме.

– В норме?

– Ну да, – шепчет Анни. – Совсем нормальная, такая, как до смерти бабушки. Она так разговаривает, как будто никогда не теряла память.

У меня ёкает сердце, и я вспоминаю слова медсестры, сказанные в последний раз, когда я уходила. *Иногда наступает просветление, и тогда кажется, что все как прежде. К ней будет возвращаться память, она станет вспоминать всё не хуже нас с вами. Вы такие деньки ловите, не упускайте ни одного, потому что нет никакой гарантии, что это не в последний раз.*

– Ты уверена? – спрашиваю.

– Абсолютно, – отвечает Анни, и в ее голосе я не слышу ни злобы, ни сарказма, столь привычных для меня в последнее время. Может быть, эти перепады настроения связаны именно с тем, что прабабушка перестала ее узнавать, вдруг задумываюсь я. Нужно поговорить с девочкой, рассказать ей подробнее про болезнь Альцгеймера. Но тогда – мне и самой придется посмотреть правде в глаза.

– Она меня все время расспрашивает, типа, про школу и все дела, – продолжает Анни. – Странно даже, но она сегодня точно знает, кто я такая, сколько мне лет, и все такое.

– Хорошо, – киваю я, а сама уже поглядываю в зеркало заднего вида, чтобы развернуть машину. – Я уже еду.

– Она говорит, что хочет, чтобы ты заехала в кондитерскую и захватила пирог «Звезда», – добавляет Анни.

Пирог «Звезда» Мами всегда любила больше всего: прослоенный смесью из мака, миндаля, изюма, инжира, чернослива и коричневого сахара, с прорезанным в корочке узором в виде звезд. Гордость нашей фирмы.

– Хорошо, – говорю я. – Постараюсь обернуться поскорее.

Впервые за последние дни ощущаю слабую надежду. До этого момента я как-то и не осознавала, как же мне не доставало моей бабушки.

– Мне хочется пойти на море, – первое, что я слышу от Мами, когда через пятнадцать минут вхожу к ней в комнату.

На миг я пугаюсь. Уже конец сентября, на улице прохладно. Видимо, память снова отказала, иначе с чего бы бабушке в ее восемьдесят шесть лет вдруг захотелось на пляж и позагорать. Но лицо Мами озаряется улыбкой, и она крепко обнимает меня.

– Прости, дорогая, где мои манеры? Я так рада видеть тебя, Хоуп, милая.

– Ты знаешь, кто я? – неуверенно переспрашиваю я.

– Ну, конечно, знаю. – Вид у нее обиженный. – Уж не считаешь ли ты меня древней, выжившей из ума старухой?

– Э-э... – Опешив, я отвечаю не сразу. – Что ты, Мами, нет, конечно.

Она улыбается.

– Не переживай. Я не дурочка. И знаю, что временами бываю забывчива. – Она делает паузу. – Ты пирог принесла?

Она смотрит на белый пакет у меня в руках. Кивнув, я протягиваю пакет ей.

– Спасибо, дорогая, – благодарит бабушка.

– Пустяки, – медленно произношу я. Мами склоняет голову набок.

– Сегодня, Хоуп, голова у меня совсем ясная. Мы с Анни прекрасно поболтали, пока тебя не было.

Анни, явно взволнованная, присела на краешек дивана. Она кивает, подтверждая слова Мами.

– Хочешь пойти на море? – нерешительно интересуюсь я. – Но сейчас... холодновато для купания.

– Я и не планирую купаться, милая, – улыбается она. – Я хочу полюбоваться закатом. Я смотрю на часы.

– До захода солнца еще почти два часа.

– Значит, у нас еще масса времени.

Мы с Анни укутываем Мами в теплую куртку, и через полчаса все втроем отправляемся на побережье. Мы решаем ехать к устью Пейнс-Крика – мое любимое место, здесь я еще школьницей обожала вечерами смотреть на уходящее за горизонт солнце. Здесь, чуть западнее Брюстера, пляж тихий и малолюдный. Если осторожно взобраться на валуны, там, где ручей впадает в залив Кейп-Код, то открывается потрясающий вид на пылающее на закате небо.

По пути мы останавливаемся – по предложению Анни – и заказываем роллы с лангустом и картофель фри в «Доке Джо», малюсеньком ресторанчике, который существует здесь, на взморье, еще дольше, чем наша кондитерская. Летом люди приезжают сюда за много миль и на солнцепеке выстаивают минут по сорок в очередях за их роллами. Но сегодня, под вечер буднего дня в мертвый сезон, мы здесь, к счастью, единственные клиенты. Мы с Анни ушам

своим не верим, слушая, как Мами, заказавшая себе жареный сыр – лангустов она никогда не любила, – совершенно внятно рассказывает, как они с бабушкой в первый раз взяли сюда маму. Та была еще совсем маленькая и все удивлялась, зачем глупые лангустики приплывают сюда, к Джо, если знают, что из них могут наделать сэндвичей.

До пляжа мы добираемся, когда края неба уже начинают пылать. Солнце висит низко над заливом, перистые облака обещают великолепный закат. Взявшись за руки, мы втроем потихоньку движемся по пляжу, Анни идет слева от Мами, я – справа со складным стульчиком под мышкой.

– Ты как, не устала, Мами? – ласково спрашивает Анни, когда мы проделываем примерно полпути. – Может, остановимся, отдохнем немножко, хочешь?

Оглядываюсь на дочь, и сердце у меня подпрыгивает. Она смотрит на Мами с такой заботой и любовью, что я внезапно понимаю: все происходящее с ней – действительно временно. Это все та же Анни, которую я знаю и люблю. А значит, я не все до конца испортила. Значит, моя девочка – такая же, как прежде, благородная, достойная, она всегда оставалась такой, даже несмотря на то что дерзит мне время от времени и вроде бы ненавидит меня.

– Я прекрасно себя чувствую, дорогая, – бодро отвечает Мами, – и намерена добраться вон до тех камней, пока солнце еще не зашло.

– Зачем? – после паузы интересуется Анни.

Мами долго молчит, и я уже решаю, что она не слышала вопроса Анни. Но после паузы она все же отвечает:

– Я хочу запомнить этот день, заход солнца и вас, мои девочки. Знаю, мне осталось не так уж много дней, похожих на этот.

Анни бросает на меня встревоженный взгляд.

– Что ты, Мами, у тебя их будет полно! – говорит она вслух.

Бабушка пожимает мне руку, и я ласково улыбаюсь ей. Я-то понимаю, о чем идет речь, и мне ужасно больно от того, что она тоже все понимает.

Бабушка обращается к Анни.

– Спасибо, что ты так веришь в меня, – благодарит она. – Но что поделать, у Бога могут быть другие планы.

Девочку ранят ее слова. Анни отворачивается и смотрит вдаль. Правда наконец начинает открываться и ей, и от этого сердце у меня ноет еще сильнее.

Вот мы и добрались до валунов. Я раскладываю прихваченный из багажника стульчик, мы с Анни усаживаем на него Мами.

– Посидите со мной, девочки, – просит она, и мы устраиваемся на валунах по обе стороны от нее.

В молчании мы глядим на горизонт – там солнце медленно опускается в воды залива, окрашивая, прежде чем совсем исчезнуть, небо в оранжевый, потом розово-сиреневый, пурпурный и синий цвет.

– Вон она, – нарушает молчание Мами и показывает куда-то, где над самым горизонтом в наступивших сумерках мерцает яркая звездочка. – Вечерняя звезда.

Я тут же вспоминаю сказки, которые она мне рассказывала в детстве, о принце и принцессе из далекой страны. В этих сказках принцу пришлось уйти на войну и сражаться со злыми рыцарями, и он поклялся принцессе, что в один прекрасный день найдет ее, потому что их любовь никогда не умрет.

Погрузившись в воспоминания, я вздрагиваю, услышав негромкий голос Анни:

– «До тех пор, пока в небе светят звезды, я буду тебя любить». Помнишь? Так говорил принц в историях, которые ты мне всегда рассказывала.

Мами поворачивается, чтобы посмотреть на правнучку. На глазах у нее слезы.

– Ты права, – чуть слышно соглашается она.

Она сует руку в карман и вынимает кусок пирога, который попросила меня принести из кондитерской. Квадратик помялся, а корочка с узором в виде звезды раскрошилась. Мы с Анни переглядываемся.

– Ты прихватила с собой пирог? – осторожно спрашиваю я. Мне не по себе – неужели снова началось?

– Да, родная, – ответ звучит вполне ясно и осмысленно. Мами внимательно рассматривает свой кусочек пирога, а свет на небе тем временем начинает бледнеть. Я уже хочу предложить двинуться к машине, как она добавляет: – Знаешь, а ведь печь этот пирог меня научила моя мама.

– Я не знала, – откликаюсь я. Она кивает.

– Мои мама и папа держали кондитерскую. Неподалеку от Сены – это река, на которой стоит Париж. Я работала там девчонкой – совсем как ты, Анни. Совсем как ты в детстве, Хоуп.

– Ты раньше никогда не рассказывала о своих родителях, – говорю я.

– Я очень о многом вам не рассказывала, – отвечает она. – Думала, что так я защищаю вас, защищаю и себя. Но теперь я теряю память, и мне вдруг стало страшно. Я испугалась, что если сейчас вам обо всем этом не расскажу, оно исчезнет навсегда, и это будет непоправимо. Настало время вам узнать правду.

– Ты о чем, Мами? – Я слышу в голосе Анни обеспокоенность. Девочка смотрит на меня, и я понимаю: она думает о том же, что и я. Разум Мами снова начинают завлакивать облака.

Прежде чем я успеваю произнести хоть слово, Мами начинает отламывать кусочки от пирога и бросает их в океан. При этом она что-то тихо шепчет, так тихо, что я почти не могу различить слов в шуме волн, набегających на каменистый берег.

– Мами, что это ты делаешь? – спрашиваю я как могу спокойно, пытаюсь не выдать охватившего меня волнения.

– Ш-ш-ш, детка, – отвечает бабушка, продолжая бросать кусочки в воду.

– Мами, что ты там говоришь? – вступает Анни. – Это ведь не французский, нет?

– Нет, дорогая, – как ни в чем ни бывало откликается Мами. Ничего не понимая, мы переглядываемся с Анни, пока бабушка кидает в волны кусочек за кусочком. Покончив с этим, она берет нас за руки. – *Он опять умилосердится над нами, изгладит беззакония наши*, – громко и отчетливо произносит она по-английски. – *Ты ввергнешь в пучину морскую все грехи наши*².

– Что это ты такое говоришь, Мами? – повторяет свой вопрос Анни. – Это из Библии? Мами улыбается.

– Это молитва, – отвечает она.

Некоторое время Мами смотрит, не отрываясь, на вечернюю звезду, а мы молча наблюдаем за ней.

– Хоуп, – говорит она наконец, – мне нужно, чтобы ты кое-что для меня сделала.

² Мих 7:19.

Глава 6

ШТРУДЕЛЬ РОЗЫ

Ингредиенты

3 яблока «гренни смит» очистить от кожуры, удалить сердцевину и порезать соломкой

1 яблоко «гренни смит» очистить от кожуры, удалить сердцевину и натереть на крупной терке

1 стакан изюма

0,5 стакана измельченных цукатов из апельсиновой цедры (см. рецепт ниже)

1 стакан коричневого сахара сахарный песок с корицей

(3 части сахара на 1 часть корицы) для посыпки

2 ч. л. корицы

0,5 стакана рубленого миндаля

1 лист замороженного слоеного теста (разморозить)

1 яйцо (взбить)

Приготовление

1. Яблоки, изюм, цукаты из апельсиновой цедры, коричневый сахар и корицу выложить в большую миску и перемешать. Дать постоять 30 минут.

2. Разогреть духовку до 20 °С.

3. Тонким слоем выложить на противень рубленый миндаль и прокалить в духовке в течение 7–9 минут, до появления светло-коричневого цвета. Вынуть и дать остыть 5 минут.

4. Ложкой переложить яблочную смесь на дуршлаг, предварительно застелив его марлей, сверху накрыть еще одним куском марли, чтобы удалить излишки жидкости. Оставить стекать в дуршлаге, а в это время выложить на противень лист слоеного теста. Раскатать, чтобы тесто заняло весь противень до краев, но не порвалось.

5. Выложить яблочную смесь продольно по центру листа и завернуть тесто, как рулет. Смачивая пальцы водой, плотно защипнуть края со всех сторон.

6. Смазать сверху взбитым яйцом, сделать 5–6 надрезов и посыпать сахаром с корицей.

ЦУКАТЫ ИЗ АПЕЛЬСИНОВОЙ ЦЕДРЫ

Ингредиенты

4 апельсина

3,5 л воды (всего)

2 стакана сахарного песка

Приготовление

1. Очистить апельсины, стараясь по возможности снять цедру

2. Нарезать цедру узкими полосками.

3. Вскипятить 1,5 л воды и бросить цедру в кипящую воду. Варить 3 минуты, слить и промыть, затем повторить процедуру, проварив цедру в еще 1,5 л воды. (Это позволяет удалить горечь.)

4. В оставшиеся 0,5 л воды добавить 2 стакана сахара и довести до кипения. Бросить в сироп цедру, убавить огонь и накрыть кастрюлю крышкой. Держать на маленьком огне 45 минут.

5. Шумовкой вынуть цукаты из сиропа и разложить на решетку до полного остывания. Выдержать не меньше двух часов, прежде чем использовать для приготовления штруделя (см. выше). Оставшиеся цукаты залить темным шоколадом – это прекрасное лакомство.

Роза

В то утро Роза, едва проснувшись, все уже знала. Такое бывало и раньше, в иные дни, когда она предчувствовала какие-то вещи, интуитивно знала о них еще до того, как они случались. Те дни остались в далеком прошлом. В последнее время в ее воспоминания мощно вторгся Альцгеймер, так что жизнь, казалось, складывается гармошкой, сжимая и сокращая прожитые годы, и прошлое оказывается совсем рядом с настоящим.

Но в тот день Роза вспомнила все: свою семью, друзей, всю жизнь, которая у нее была когда-то. На миг, прикрыв глаза, она захотела соскользнуть назад в забвение, из которого вынырнула. Вообще-то Альцгеймер пугал утешение. Внезапный просвет – распахнувшееся окно в прошлое – застиг ее врасплох. Но потом Роза все же открыла глаза и взглянула на календарь, который стоял у нее на прикроватной тумбочке. Каждый вечер перед тем, как уснуть, она перечеркивала в нем прожитый день. Все остальное ускользало, но за днями недели она пока еще следила, держала их под контролем. И согласно красным крестикам в календаре выходило, что нынче 29 сентября, особый день. Раз ясная память вернулась к ней именно сегодня – это знак свыше, поняла Роза.

Поэтому все утро она писала, как можно аккуратнее, письмо, адресованное внучке. Когда-нибудь Хоуп прочтет его и все поймет. Но не сейчас. Некоторых фрагментов пока еще не доставало. Заклеивая конверт, уже перед самым обедом, Роза чувствовала опустошение и печаль, словно только что заключила в конверт часть себя самой. В каком-то смысле, подумала Роза, так оно и есть.

Она тщательно вывела адрес Тома Эванса, адвоката, который оформлял ее завещание, потом попросила медсестру наклеить марку и отправить письмо по почте. Потом Роза снова села к столу и написала список, выводя каждое имя большими печатными буквами, старательно и четко, хотя руки у нее тряслись.

Вечером того же дня, на пляже с Хоуп и Анни, она трижды ощупывала карман юбки, проверяя, на месте ли список. Для нее это было важнее всего, а скоро и Хоуп тоже узнает всю правду. Скрывать и дальше уже невозможно – все равно, что не позволять приливу хлынуть на берег. К тому же Роза уже и сама сомневалась, что хочет сдерживать в одиночку прибывающую воду: это стало мучительно трудно.

Сейчас, стоя на валунах с внучкой по одну сторону от себя и правнучкой по другую, когда на землю опустился *heure bleue*, она смотрела на небо, мерно дышала в такт океану и сжимала в руке пирог. Она кинула первый кусок в воду и произнесла слова так тихо, что даже сама их не услышала за ритмичным плеском волн.

– Сожалею, что я уехала, – шепнула она ветру.

– Сожалею за те решения, которые я принимала. – Кусочек пирога упал в набежавшую волну.

– Сожалею, что я причинила боль стольким людям. – Ветер унес ее слова.

Бросая пирог в океан, кусок за куском, Роза поглядывала на Хоуп и Анни, с растерянным и непонимающим видом стоявших рядом. Нехорошо, она пугает девочек – ну ничего, скоро они все поймут. Время пришло.

Роза подняла голову к небу и говорила с Богом тихо, словами, которых не произносила вслух вот уже шестьдесят лет. Она не ждала прощения. Она знала, что не заслуживает его. Но ей хотелось, чтобы Бог знал: она раскаивается.

Правды не знал никто. Никто, кроме Бога и, разумеется, Теда, который умер двадцать пять лет тому назад. Он был хорошим человеком, добрым человеком, папой для ее Жозефины и дедушкой для Хоуп. Он любил их всех и показывал свою любовь, и она будет вечно благодарна ему за это, потому что сама она демонстрировать любовь не умела. И все же иногда она сомневалась, что Тед смог бы любить ее так же, знай он всю правду полностью. Она понимала, что он догадывался, но сказать ему, произнести это вслух означало бы разбить ему сердце.

Роза прерывисто вздохнула и посмотрела в глаза Хоуп, внучке, которой она испортила жизнь. Мать Хоуп, Жозефина, была несчастна, она страдала из-за ее, Розы, ошибок. И Хоуп тоже страдает. Роза отчетливо читала это и по глазам Хоуп, и по тому, что за жизнь ей выпала. Роза перевела взгляд на Анни, на эту девочку, которая заставила ее память проснуться. Пусть хоть у правнучки все сложится хорошо!

– Мне нужно, чтобы ты кое-что для меня сделала, – произнесла наконец Роза, поворачиваясь к внучке.

– Что? – заботливо ответила Хоуп. – Я сделаю для тебя все, что захочешь.

Хоуп не знала, на что соглашается, но у Розы не было выбора.

– Мне нужно, чтобы ты поехала в Париж, – спокойно сказала она.

У Хоуп глаза полезли на лоб. В Париж?

– Да, в Париж, – не колеблясь, подтвердила Роза. Не дожидаясь, пока внучка задаст вопрос, она продолжила: – Я должна знать, что произошло с моей семьей.

Роза полезла в карман и достала список – он словно ожег ей пальцы огнем – и аккуратно подписанный чек на тысячу долларов. Хватит на билет на самолет до Парижа. Пальцы у Розы горели, когда Хоуп забирала у нее бумаги.

– Я должна знать, – тихонько повторила Роза. Волны плескались у плотины ее памяти, и душа уже изготовилась к тому, что вот-вот хлынет паводок.

– Твоя... семья? – с сомнением переспросила Хоуп. Роза кивнула, и Хоуп развернула бумажный листок.

Ее глаза быстро пробежали по строчкам, по семи именам.

Семь имен, подумала Роза. Она посмотрела вверх, где начинал уже проступать ковш Большой Медведицы. *Семь звезд на небе*.

– Я должна знать, что произошло, – сказала она внучке. – Поэтому поезжай.

– Вы о чем? – перебила Анни. У нее был испуганный вид, и Розе хотелось бы успокоить девочку, но она знала: утешения даются ей нисколько не лучше, чем правда. Она никогда не умела утешать. Кроме того, Анни уже двенадцать. Достаточно большая, чтобы знать. Всего на два года меньше, чем было самой Розе, когда началась война.

– Кто все эти люди? – спросила Хоуп, вглядываясь в список.

– Это моя семья, – кивнула Роза. – *Ваша семья*.

Она на минутку прикрыла веки, мысленно перечисляя эти имена, выжженные у нее прямо в сердце, которое, как ни удивительно, продолжало биться все эти годы.

Альбер Пикар, р. 1897

Сесиль Пикар, р. 1901

Элен Пикар, р. 1924

Клод Пикар, р. 1929

Ален Пикар, р. 1921

Давид Пикар, р. 1934

Даниэль Пикар, р. 1937

Когда Роза открыла глаза, Хоуп и Анни смотрели на нее. Она вздохнула.

– Ваш дедушка ездил в Париж в сорок девятом году, – начала Роза.

Голос у нее дрожал, потому что эти слова было трудно выговаривать вслух, даже теперь, спустя столько лет. Снова прикрыв веки, Роза вспомнила лицо Теда в день, когда он вернулся домой. Он не мог смотреть ей в глаза и избегал ее взгляда. Говорил он страшно медленно, потому что принес вести о людях, которых она любила больше всего в этом мире.

– Все они умерли, – продолжила Роза после паузы. Раскрыв глаза, она поглядела на Хоуп. – Тогда мне было этого достаточно, ничего больше я знать не хотела. Я даже попросила твоего дедушку ничего мне не рассказывать. Мое сердце не вынесло бы.

Только после того, как Тед принес ей страшные вести, Роза наконец согласилась переехать с ним в городок на полуострове Кейп-Код, в котором он родился и рос. До тех пор она была твердо намерена оставаться в Нью-Йорке – на всякий случай. Она была уверена, что там, в Нью-Йорке, ее непременно найдут, на месте встречи, о котором они договорились много лет назад. Но теперь оказалось, что искать ее некому, никого не осталось. Она была утеряна навсегда.

– Все эти люди... – Анни нарушила тишину, мигом вернув Розу к действительности. – Они все, типа, умерли? А что с ними случилось?

Роза помолчала.

– Мир рухнул, – ответила она наконец. Никакого другого объяснения она не могла бы дать, к тому же это было правдой. Мир обвалился, как рушатся здания, он просел и сложился, превратившись в нечто неузнаваемое.

– Ничего не понимаю, – испуганно шепнула Анни. Роза вздохнула.

– Есть тайны, о которых невозможно рассказать, иначе вся жизнь пойдет прахом, – сказала она. – Но я знаю, что когда память моя умрет, то вместе с ней умрут и те, кого я любила, кого хранила в сердце все эти годы.

Роза смотрела на Хоуп. Она знала, внучка когда-нибудь постарается все объяснить Анни. Но сначала пусть поймет сама. А для этого придется съездить в город, где все началось.

– Прошу, поезжай в Париж поскорее, Хоуп, – настойчиво проговорила Роза. – Я не знаю, много ли времени мне еще осталось.

А потом замолкла. Слишком устала. Она, кажется, сказала больше, чем за прошедшие шестьдесят два года, с того дня, когда Тед вернулся домой с новостями. Роза смотрела в небо, на звезды и нашла одну, которую она звала Папа,¹ и другую, ее она назвала Маман, и еще звездочки, что получили имена Элен, Клод, Ален, Давид, Даниэль. Одной звезды до сих пор не хватало. Роза никак не могла ее найти, как ни искала. И знала, знала всегда, что сама в этом виновата. Потому что она и хотела, чтобы Хоуп узнала о нем, когда поедет в Париж. Она знала, что это перевернет всю жизнь Хоуп.

Хоуп и Анни еще о чем-то спрашивали, но Роза больше их не слышала. Она закрыла глаза и стала молиться.

Приближался прилив. Вот и началось.

Глава 7

– Ты, типа, понимаешь, о чем она говорила? – спрашивает Анни, как только мы, доставив бабушку домой, садимся в машину. Она долго возится с пряжкой, пытаясь пристегнуть ремень. Только тут я замечаю, что у нее дрожат руки, да и у меня тоже. – В смысле, *кто*, типа, все эти люди? – Наконец Анни щелкает пряжкой и смотрит на меня. Она хмурится в замешательстве, забота бороздит гладкий лобик, усыпанный веснушками – чем дальше мы от яркого летнего солнца, тем они бледнее. – У Мамаи ведь девичья фамилия совсем не Пикар. Она же была Дюран.

– Знаю, – шепчу я в ответ.

Когда Анни училась в пятом классе, им дали задание начертить генеалогическое древо своей семьи. Она попыталась раздобыть информацию о корнях Мамаи через Интернет, но в 1940-е годы в США прибыло столько иммигрантов с фамилией Дюран, что она вконец запуталась. Анни тогда копалась с заданием целую неделю и злилась, что я не удосужилась поинтересоваться прошлым Мамаи до того, как бабушкина память начала давать сбои.

– Может, она ошиблась и написала не ту фамилию, – предполагает Анни. – Ну, написала Пикар, а имела в виду Дюран.

– Возможно, – вяло отсылаюсь я, понимая, что ни одна из нас в это всерьез не верит. Сегодня Мамаи была совершенно такой, как прежде. Она точно понимала, о чем говорит.

Дальше до самого дома мы едем молча. Но это не напряженное молчание; Анни не сидит с надутым видом, ненавидя меня каждой клеточкой. Она думает о Мамаи.

Небо уже почти совсем погасло. Я представляю Мамаи, как она стоит у окна и ищет звездочки, пока сумерки уступают наконец место ночной тьме. Здесь, на Кейпе, особенно после того как разъедутся туристы и на верандах до следующего сезона уберут освещение, ночи бывают темные, глубокие. Основные улицы освещены, но, когда я поворачиваю на Лоуэр-роуд, а потом на Принс-Эдвард-лейн, огни Мэйн-стрит остаются у нас за спиной, а впереди меркнут последние отблески бабушкиного *heure bleue* – в пустынной тьме, где угасает западная часть залива Кейп-Код.

Ощущение, будто мы едем по призрачному городу, особенно после поворота на Брэдфорд-роуд. Семь из десяти домов на нашей улице летние и сейчас, после окончания сезона, опустели. Сворачиваю на дорожку к нашему дому – ту самую дорожку, где девчонкой я летом собирала светлячков, а зимой помогала расчищать снег, чтобы мама могла вывести из гаража свой старенький универсал, – и выключаю зажигание. Мы не сразу выходим из машины. Сейчас, когда мы в одном квартале от океана, я чувствую в воздухе соль и понимаю, что начинается прилив. Меня вдруг охватывает отчаянное желание отправиться на пляж и бродить там с фонариком, босиком по пенистому прибою. Но я его подавляю: нужно еще собрать Анни на ночевку к отцу. А ей, похоже, тоже не хочется вылезать из машины.

– С чего вдруг Мамаи вообще решила уехать из Франции? – спрашивает наконец дочь.

– Шла война, и Мамаи, наверное, пришлось очень трудно, – отвечаю я. – Помнишь, миссис Салливан и миссис Кунц сказали, что ее родители, видимо, умерли. Мамаи было, кажется, лет семнадцать, не больше, когда она уехала из Парижа. А потом, судя по всему, она познакомилась с твоим прадедушкой и полюбила его.

– И вот так, типа, все бросила? – не унимается Анни. – Как же она могла, неужели ей совсем не жалко было?

Я качаю головой.

– Не знаю, солнышко.

Глаза у Анни превращаются в щелки.

– Ты что, ни разу у нее не *спрашивала*? – Она сверлит меня взглядом, и я чувствую, что ее ненадолго исчезнувший гнев теперь вернулся.

– Спрашивала, конечно. Когда мне было столько лет, сколько тебе, я частенько расспрашивала ее о прошлом, просила рассказать, как она жила. Мне очень хотелось поехать вместе с ней во Францию, чтобы она показала мне, где и как она жила, когда сама была ребенком. Я воображала, что она каталась вверх-вниз на подъемнике Эйфелевой башни, гуляла с пуделем, ела багет и носила беретку.

– Мама, все это стереотипы, – закатывает глаза моя мудрая дочь и вылезает из машины. Но в уголках ее рта я замечаю тень улыбки.

Я тоже выхожу и иду следом за ней через лужайку к дому. Убегая утром, я забыла включить свет на веранде, поэтому Анни исчезает в темноте. Спешу к двери и поворачиваю ключ в замке.

Анни задерживается в прихожей, медлит, глядя на меня. Девочка явно хочет что-то сказать, даже открывает рот, но так и не произносит ни звука. Наконец она резко разворачивается и почти бежит к своей комнате.

– Я буду готова через пять минут! – бросает она через плечо.

Поскольку обычно «минут пять» на языке Анни означает минимум полчаса, я удивлена, действительно увидев ее на кухне буквально через несколько минут. Я стою перед открытым холодильником, надеясь, видимо, что ужин материализуется из пустоты. Целыми днями занимаясь приготовлением пищи для других, я совсем не забочусь о том, чтобы заполнить собственный холодильник.

– В морозилке есть пачка «Хелси Чойс», – раздается голос Анни у меня за спиной.

Я оборачиваюсь и улыбаюсь ей.

– Похоже, мне пора наведаться в супермаркет.

– Не-а, не надо, – отвечает Анни. – А то я наш холодильник не узнаю, если он будет набит едой. Еще подумаю, что ошиблась домом.

– Ха-ха, очень смешно, – усмехаюсь я. Захлопнув дверцу холодильника, открываю морозильную камеру, в которой обнаруживаются две формочки со льдом, полпакета печенья с арахисовым маслом, пакет мороженого зеленого горошка и, как и обещала Анни, пачка полуфабрикатов – замороженный ужин «Хелси Чойс».

– По-любому, мы же уже ели, – добавляет Анни. – Помнишь? Роллы с лангустом?

Я киваю и закрываю морозильник.

– Помню. – Я поднимаю голову, глядя на стоящую у кухонного стола Анни. Спортивная сумка с ее вещами небрежно брошена на соседний стул.

Анни снова закатывает глаза.

– Ты какая-то странная. Ты что, вот так сидишь тут и жуешь всякую фигню каждый раз, когда я у папы?

– Да нет, – вру я, прокашлявшись.

Мама находила спасение от стрессов в кондитерской у плиты. Моя мать искала спасения от стрессов, выходя из себя по малейшим пустякам, и обычно отправляла меня в мою комнату, подробно объяснив, какой я тяжелый и неудачный ребенок. Я, по всей видимости, нахожу спасение от стрессов в обжорстве.

– Все нормально, детка, – успокаиваю я Анни. – Собралась?

Я иду к Анни через кухню, двигаясь неестественно медленно, как будто могу этим отсрочить ее уход. Подхожу, притягиваю и прижимаю к себе – и это, кажется, удивляет ее не меньше, чем меня саму. Но и она обнимает меня в ответ, и от этого сердце у меня моментально перестает ныть.

– Я тебя люблю, ребенок, – шепчу я куда-то ей в волосы.

– Я тоже тебя люблю, мам, – после паузы отвечает Анни, она прижалась к моей груди, так что голос звучит глухо. – А сейчас, может, выпустишь меня, пока, типа, не задушила?

Смутившись, я отпускаю ее.

– Я не очень представляю, как быть с Мами, – говорю я, глядя, как Анни берет со стула спортивную сумку и закидывает ее на плечо. – Может, ей все это просто привиделось.

Анни застывает.

– Ты о чем?

Я пожимаю плечами.

– Она ведь теряет память, Анни. Ужасно, но такова эта болезнь, болезнь Альцгеймера.

– Сегодня она все помнила, – возражает Анни, и я вижу, как ползут вниз уголки ее глаз, как хмурятся брови. Тон мгновенно становится ледяным.

– Конечно, но все эти люди, о которых она говорила... о которых мы никогда не слышали... Согласись, все это как-то странно.

– Мам, – решительно перебивает Анни. Ее взгляд того и гляди прожжет во мне дырку. – Ты ведь поедешь в Париж, правда?

Я смеюсь.

– Конечно. А потом отправлюсь на шопинг в Милан. Покатаюсь на лыжах в Швейцарских Альпах. Ну и, наверное, поплаваю в гондоле по Венеции.

Анни сердито щурится.

– Ты *должна* съездить в Париж.

До меня доходит, что она говорит серьезно.

– Детка, – мягко отвечаю я, – это почти невыполнимо, ты только представь. На кого я оставлю кондитерскую? Я же одна в ней работаю.

– Ну так закрой ее на несколько дней. Или я поработаю после уроков.

– Родная моя, ничего из этого не получится. – А сама думаю о том, что того и гляди вообще все потеряю.

– Ну мама!

– Анни, ты уверена, что Мами завтра вообще вспомнит о том разговоре?

– Вот поэтому ты и должна! – горячится Анни. – Ты что, не видела, что для нее это реально важно? Она хочет, чтобы ты узнала, что случилось со всеми этими людьми. Ты не можешь так ее подвести!

Я вздыхаю. Мне-то казалось, что Анни лучше разбирается в ситуации и понимает, что ее прабабушка часто городит полную бессмыслицу.

– Анни, – начинаю я. Но она меня обрывает:

– Может, у нее это последний шанс? Может, это наш последний шанс ей помочь!

Я опускаю голову. Не знаю, что на это ответить. Как объяснить ей, что мы, скорей всего, находимся на грани разорения.

Пока я молчу, медля с ответом, Анни делает выводы сама.

– Я тебя просто ненавижу, – шипит она сквозь зубы. Резко разворачивается и вылетает из кухни, сумка сзади хлопает ее по спине. Через пару секунд я слышу, как бухает входная дверь. Глубоко вздохнув, я тащусь за ней на улицу, собираясь с духом перед тягостной, в полном молчании, поездкой к ее отцу.

* * *

На другое утро, после почти бессонной ночи, я в одиночестве спую по кондитерской и как раз успеваю задвинуть в духовку противень с сахарным печеньем, когда в стекло входной двери стучатся. Я бросаю на плиту рукавицы-прихватки, устанавливаю таймер, отряхиваю руки о фартук и смотрю на часы – 5:35 утра. Двадцать пять минут до открытия.

Я спешу через кухню в зал и сквозь вращающуюся дверь различаю Мэтта. Он прижимается лицом к стеклу и, держа ладонь козырьком, вглядывается внутрь. Увидев меня, торопится отпрянуть, потом невозмутимо машет мне рукой, будто это не его нос только что отпечатался на дверном стекле.

– Мэтт, мы еще закрыты, – говорю я, отперев три замка и приоткрывая дверь. – Я хочу сказать, заходи, конечно, но придется подождать, кофе еще не готов, и...

– Нет, нет, я пришел не из-за кофе, – останавливает меня Мэтт. Помолчав, он добавляет: – Но, если ты поторопишься, чашечку выпью.

– Ох! – Я снова гляжу на часы – Ну хорошо, ладно.

В конце концов, на то, чтобы смолоть зерна, закинуть их в кофеварку и нажать кнопку, уйдет пара минут, не больше.

Я спешу проделать все эти операции, не выпуская из головы все, что еще нужно сделать до открытия кафе. Мэтт тоже проходит на кухню и закрывает за собой дверь.

– Хоуп, я пришел узнать, что ты собираешься делать, – говорит Мэтт, пока кофеварка, бурля и скворча, выплевывает первые капли напитка.

На миг я застываю, не понимая, как он узнал о том, что сказала Мама, но потом соображаю, что речь идет о кондитерской и банке, который, видимо, готов начать процедуру конфискации. У меня обрывается сердце.

– Не знаю, Мэтт, – сухо отвечаю я, не оглядываясь на него и делая вид, что очень занята приготовлением кофе. – У меня не было ни минутки этим заняться.

Одним словом, ухожу в глухую несознанку, уклоняюсь от исполнения обязательств. Вот такой у меня способ справляться с трудностями – я прячу голову в песок и дожидаясь, пока буря пройдет стороной. Иногда срабатывает. Но чаще песчинки просто слепят мне глаза.

– Хоуп, – начинает Мэтт. Со вздохом качаю головой.

– Послушай, Мэтт, если ты пришел уговаривать меня продать кондитерскую этим твоим инвесторам, я уже тебе сказала, что пока не решила, что буду делать, и не готова еще...

Мэтт не дает мне закончить.

– Смотри, как бы не было поздно, – сурово говорит он. – Нам необходимо об этом потолковать.

Наконец я поворачиваюсь. Он стоит у прилавка, облокотившись.

– Ладно. – Грудь сдавило, дышать тяжело.

Мэтт выдерживает паузу, стряхивает с лацкана невидимую пылинку. Потом прочищает горло. Запах кофе уже разносится в воздухе, и, поскольку Мэтт заставляет меня нервничать, я снова отворачиваюсь и нахожу себе занятие: наливаю в чашку кофе, не дожидаясь, пока кофеварка закончит цикл. Добавляю сливки, сахар и размешиваю. Сдержанно кивнув, он принимает чашку у меня из рук.

– Я попробую уговорить инвесторов взять тебя в партнеры, – заявляет он наконец. – Если кондитерская их вообще заинтересует, дело ведь еще не решено. Но я заранее тебе предлагаю вариант.

– В партнеры? – переспрашиваю я. Незачем говорить ему, как это обидно – слышать, как он, будто подарок, предлагает мне долю в бизнесе моей собственной семьи. – Значит ли это, что мне придется изыскать деньги и выплачивать процент от банковской сделки?

– И да, и нет, – загадочно бросает Мэтт.

– Потому что у меня нет этих денег, Мэтт.

– Я знаю.

Уставившись на него, я жду продолжения. Он снова прокашливается.

– Что если бы ты взяла эти деньги займы у меня? У меня глаза лезут на лоб.

– Что?

– Это чисто деловое предложение, Хоуп, – спешит он. – Я хочу сказать, я могу взять кредит. И мы могли бы войти в долю, скажем, семьдесят пять на двадцать пять. Семьдесят пять процентов – твоя доля, двадцать пять – моя. И ты просто будешь выплачивать мне ежемесячно сколько сможешь. Мы смогли бы сохранить часть кондитерской для твоей семьи...

– Не могу, – говорю я, даже не дав себе шанса обдумать его предложение. Невидимые нити, протянувшиеся от него, грозят меня удушить. К тому же мысль о том, что Мэтт станет совладельцем кондитерской, претит мне даже больше, чем перспектива уступить львиную долю чужакам. – Мэтт, спасибо тебе, это очень любезно, но я вряд ли смогу...

– Хоуп, я лишь прошу тебя подумать об этом, – спешит высказаться Мэтт. – Это ведь сущая чепуха. Деньги у меня есть. Я искал, во что бы их вложить, а твое заведение в городе известно. Я уверен, ты вскоре уладишь свои дела, и...

Голос у него дрожит, он смотрит на меня с надеждой.

– Мэтт, это много для меня значит, – мягко произношу я. – Но я понимаю, как называется то, что ты делаешь.

– Как?

– Благотворительность. – Я набираю в грудь воздуха. – Ты мне сочувствуешь. И я ценю это, Мэтт, поверь. Но просто – я не нуждаюсь в твоей жалости.

– Ты не... – начинает он, но я снова перебиваю:

– Слушай, я либо утону, либо выплыву самостоятельно, понятно? – Умолкнув, я хватаю ртом воздух, пытаюсь понять, правильно ли поступаю. – Вполне допускаю, что утону. Возможно, я все потеряю. А может, инвесторы и вовсе не заинтересуются моей кондитерской. Но если... что ж, значит, так тому и быть.

Мэтт сидит с опрокинутым лицом. Несколько раз он барабанит пальцами по прилавку.

– Знаешь, Хоуп, а ты не такая, – говорит он наконец.

– Не такая?

– Не такая, как раньше, – поясняет Мэтт. – Тогда, в школе, ты ни за что не позволила бы себя одолеть. Ты не сдавалась, ты держала удар. Вот это мне в тебе больше всего и нравилось.

Я молчу и ничего не отвечаю. В горле ком.

– А сейчас ты сложила лапки и готова сдаться, – продолжает он. Он не глядит мне в глаза. – Я просто... я думал, ты по-другому к этому отнесешься. А ты как будто *смирилась*.

Я плотнее сжимаю губы. Конечно, мнение Мэтта для меня ничего не значит, но его слова все равно задевают.

Я понимаю, он не старается меня уязвить, и от этого особенно больно. Мэтт прав, я *действительно* уже не та, что прежде. Он смотрит на меня долгим взглядом и кивает.

– Думаю, твою маму это бы огорчило.

На сей раз слова Мэтта меня ранят по-настоящему – ведь именно для этого они и сказаны. Но, с другой стороны, последняя его реплика мне на руку – Мэтт попал пальцем в небо. Мама никогда не дорожила кондитерской так, как бабушка, – для мамы заведение было обузой. Лишись мы его раньше, при ее жизни, она, пожалуй, только порадовалась бы, с удовольствием сняв с себя ответственность.

– Возможно, ты прав, Мэтт.

Он вынимает бумажник, достает две долларовые купюры и кладет их на прилавок. Я вздыхаю.

– Не глупи. Кофе от заведения. Мэтт трясет головой.

– Я не нуждаюсь в твоей благотворительности, Хоуп. – Он криво улыбается. – Удачного дня.

Он берет кофе и поспешно выходит. Гляжу, как темнота окутывает его, как растворяется в ней его силуэт, и меня пробирает дрожь.

Появляется Анни – прежде чем снова уйти в школу. Она снует по кухне и со мной почти не разговаривает, интересуется только, успела ли я посмотреть, что там с заказом авиабилетов в Париж. В одиннадцать часов в кафе пусто, я таращусь из окна на пеструю листву на Мэйн-стрит. Сегодня ветрено, и с деревьев время от времени срываются листья, точно легкие изящные птицы, – огненно-рыжие дубовые и ярко-алые кленовые.

В половине двенадцатого посетителей нет, у меня уже все сделано, только в духовке последний противень со «звездными» пирогами. Самое время извлечь старенький ноутбук, который хранится за кассовым аппаратом. Воспользовавшись вайфаем Джессики Грегори, владелицы соседнего магазинчика сувениров, я открываю Гугл и задумываюсь. Что я ищу? Закусив губу, набираю первое имя из списка Мами. *Альбер Пикар*.

Через секунду Гугл выдает результаты поиска. Во Франции существует аэропорт под названием Альбер-Пикарди, но вряд ли он имеет хоть какое-то отношение к списку Мами. Тем не менее читаю о нем в Википедии и еще раз убеждаюсь, что речь идет о региональном аэропорте, обслуживающем населенный пункт Альбер в Пикардии, местности на севере страны. Турик.

Возвращаюсь и просматриваю другие сведения. Вот Фрэнк Альберт Пикар – но это американец, юрист, родился и жил в Мичигане, умер в начале 1960-х. Он не может быть тем, кого я ищу, у него нет никаких привязок к Парижу. Еще несколько *Альберов Пикаров* появляются, когда я задаю новый поиск, добавив слово «Париж». Однако ни один из них не имеет отношения к тем временам, когда Мами еще жила во Франции.

Прикусив нижнюю губу, я удаляю все из строки поиска и впечатываю «Телефонный справочник, Париж». Пролистав несколько ссылок, выхожу на страницу *Pages Blanches*, которая запрашивает *nom* и *prenom*. Из школьного курса французского я помню, что это значит фамилию и имя, поэтому впечатываю соответственно *Picard* и *Albert*, а в поле с вопросом *Où?*³ ввожу Paris.

Появляется ответ, и у меня замирает сердце. Неужели все так просто? Наскоро записав номер телефона, я стираю имя «Альбер» и заполняю поле вторым именем из списка Мами – «Сесиль». В Париже оказывается восемь совпадений, четыре из них обозначены как С. Пикар. Записываю и эти номера и повторяю поиск для каждого из оставшихся имен. Элен, Клод, Ален, Давид, Даниэль.

В результате я получаю список из тридцати пяти телефонных номеров. Я возвращаюсь в Гугл, чтобы понять, как позвонить во Францию из Соединенных Штатов. Нацарапав на листке и эти инструкции, кладу перед собой номер телефона первого Пикара и берусь за телефон.

Я не сразу поднимаю трубку. Понятия не имею, каковы расценки на международные звонки, поскольку прежде мне не доводилось звонить за границу. Но что-то мне подсказывает, что стоят они немало. Вспомнив о чеке на тысячу долларов, выписанном Мами на меня, я решаю, что смогу оплатить переговоры этими деньгами, а все, что останется, положу на ее банковский счет. Все равно выйдет намного дешевле, чем кататься в Париж.

Я кошусь на дверь. Посетителей нет. Улица тоже пуста, собирается дождь, небо потемнело, свищет ветер. Перевожу взгляд на духовку. Еще тридцать шесть минут, сообщает таймер. По кондитерской разносится аромат корицы, я с удовольствием вдыхаю его.

Набираю первый номер. В трубке раздаются щелчки, это устанавливается соединение, потом два-три непривычных сигнала, похожих на зуммер. Кто-то снимает трубку на другом конце.

– Allo? – раздается женский голос.

Тут до меня доходит, что по-французски я почти не говорю.

³ Где (*фр.*).

– Э-э, здрасте, – волнуясь, начинаю я. – Я ищу родственников человека по имени Альбер Пикар.

На том конце молчат.

Я изо всех сил роюсь в памяти, пытаюсь подобрать нужные французские слова.

– Э-э, je chercher⁴ Альбер Пикар, – произношу я, понимая, что это как-то неправильно, но надеясь донести общий смысл.

– Альбера Пикара здесь нет, – отвечает женщина по-английски с сильным французским акцентом.

У меня екает сердце.

– О, простите. Я думала, что...

– Этот грязный подонок здесь больше не живет, – невозмутимо продолжает женщина. – Никак не может удержаться, чтобы не тянуть свои лапы к другим женщинам. Я сыта этим по горло.

– О, мне жаль. – Голос у меня дрожит, я не могу сообразить, что сказать.

– Вы случайно не одна из этих, а? – В голосе женщины звучит подозрение.

– Нет, нет, – спешу я ее разуверить. – Я разыскиваю знакомого моей бабушки или, может, родственника. Она уехала из Парижа в начале сороковых годов.

Женщина звонко смеется.

– Этому Альберу только тридцать два. А его отца зовут Жан-Марк. Так что он не тот, кого вы ищите.

– Простите, – я смотрю на свой список. – А не знакомо ли вам имя Сесиль Пикар? Или Элен Пикар? Или Клод Пикар? А может... Роза Дюран? Или Роза Маккенна?

– Нет, – отвечает женщина.

– Ну ладно, – обескураженно реагирую я. – Спасибо, что уделили мне время. И – надеюсь, что с Альбером у вас наладится.

– А я надеюсь, что его переедет такси, – фыркает женщина.

Номер отключается, а я так и стою, ошарашенная, с трубкой в руке. Я встряхиваю головой, дожидаясь гудка и набираю следующий номер.

⁴ Я ищу (искаж. фр.).

Глава 8

К приходу Анни, к четырем часам, «звездные» пироги уже остыли, а я успела поставить в духовку завтрашние черничные маффины и обзвонить все тридцать пять номеров по своему списку. По двадцати двум из них мне ответили. Людей из списка Мами не знал никто. Двое предложили мне связаться с парижскими синагогами, где могли сохраниться списки тогдашних прихожан.

– Спасибо, – в недоумении поблагодарила я обоих советчиков, – но моя бабушка католичка.

Анни, практически не удостоив меня взглядом, бросает рюкзак за прилавок и ныряет на кухню. Я вздыхаю. Превосходно. Похоже, нам предстоит один из *тех еще* деньков.

– Я уже перемыла все миски и подносы! – сообщаю я дочери, принимаясь убирать пирожные с витрины. Через несколько минут будем закрываться. – Сегодня почти никого не было, так что у меня выдалось свободное время.

– Так ты все же заказала билет на Париж? – Анни появляется из кухни и стоит в дверях, уперев руки в боки. – Раз уж было столько свободного времени?

– Нет, но зато я... – Продолжать бесполезно. Анни выставляет вперед руку, не желая слушать.

– Нет? Отлично. Это все, что я хотела знать. – Она явно заимствует фразы из лексикона отца, стараясь выглядеть взрослой.

Мне только этого и не хватало.

– Анни, ты же не слушаешь меня, – говорю я. – Я позвонила в...

– Знаешь, мам, раз ты не хочешь помочь Мами, я вообще не понимаю, о чем нам с тобой разговаривать, – неприязненно прерывает меня дочь.

Я вздыхаю. В последние месяцы я только и делала, что пыталась всячески обхаживать Анни, носилась с ней как с хрустальной вазой, – меня очень беспокоило ее состояние, то, как она переживает последствия развода. Но, честно говоря, я устала постоянно ходить в виноватых. Тем более что я не виновата.

– Анни, – мой голос звучит твердо. – Я бьюсь изо всех сил, чтобы удержать нас и все здесь на плаву. Мне понятно твоё желание помочь Мами. Я тоже хочу ей помочь. Но у нее Альцгеймер, Анни. Эта ее просьба просто неразумна. Ты только послушай, что...

– Неважно, мам. – Дочь снова перебивает меня. – И так все ясно. Тебе ни до кого дела нет.

Она снова шмыгает на кухню, а я бросаюсь следом, сжимая кулаки и пытаясь обуздать эмоции:

– Куда это ты? А ну, вернись немедленно, разговор не окончен!

Именно в эту секунду звякает колокольчик на входной двери, и, оглянувшись, я вижу Гэвина в линялых джинсах и клетчатой фланелевой рубашке. Встретившись со мной взглядом, он запускает пятерню в непослушные темные волосы, которые, замечая я рассеянно, не помешало бы подстричь.

– Я, наверное, не вовремя? Помешал? – спрашивает он и смотрит на часы. – У вас еще открыто?

Выжимаю улыбку.

– Конечно, Гэвин. Заходи. Чем могу служить?

С нерешительным видом Гэвин подходит к прилавку.

– Ты уверена? – уточняет он. – Я могу зайти завтра утром, если...

– Нет, – настаиваю я. – Все в порядке, ты извини. Просто мы с Анни... разговаривали. Гэвин молча смотрит на меня и улыбается.

– У нас с мамой, помнится, случалось много разговоров, когда я был примерно в таком возрасте, как Анни, – говорит он, понизив голос. – Не сомневаюсь, что маме они всегда доставляли удовольствие.

Я не выдерживаю и улыбаюсь. В этот момент из кухни снова выныривает Анни.

– Я приготовила вам кофе, – объявляет она, прежде чем я успеваю произнести хоть слово. – За счет заведения.

И смотрит на меня с вызовом. Ей, дурочке, невдомек, что я ни гроша не взяла с Гэвина с тех пор, как он отремонтировал нам коттедж.

– Вот спасибо, Анни. Это очень щедро, – благодарит Гэвин, принимая чашку у нее из рук. Он прикрывает глаза и вдыхает аромат. – Ух ты, как здорово пахнет.

Я поднимаю брови. Думаю, он не хуже меня знает, что этот кофе пробулькал в машине не меньше двух часов и его никак не назовешь свежим и ароматным.

– А что, мистер Кейс, – заводит беседу Анни, – вы, типа, любите помогать людям и все такое, да?

Гэвин удивлен. Кашлянув, он кивает.

– Ну да, Анни, наверное, так, – сделав паузу, он косится на меня. – И, кстати, можешь звать меня Гэвин, если хочешь. Хм, ты имеешь в виду, что я помогаю людям делать ремонт? И чиню вещи?

– Да неважно, – отмахивается она. – Я в том смысле, что вы помогаете людям потому, что это правильно, да?

Гэвин снова бросает на меня вопросительный взгляд, а я молча пожимаю плечами.

– Ну и вообще, – продолжает Анни, – если вот что-нибудь потерялось и кому-то от этого реально плохо, вы ведь можете найти, а?

Гэвин неуверенно кивает.

– Ну да, конечно, Анни, – медленно говорит он. – Никому не нравится терять вещи.

Он снова переглядывается со мной.

– А если кто-нибудь, типа, попросит вас помочь найти его родных, которых этот человек потерял, вы же ему можете помочь, ведь правда?

– Анни, – предостерегающе окликаю я, но она не обращает внимания.

– Или вы, типа, отмахнетесь и ничего не будете делать, хотя вас просят помочь? – настаивает она. И многозначительно смотрит на меня.

Гэвин опять смущенно кашляет, поглядывая в мою сторону. Ясное дело, его против воли втянули в конфликт, и он опасается своими ответами обострить ситуацию, не понимая к тому же, о чем речь.

– Видишь ли, Анни, – медленно начинает он, – вообще-то, я бы, наверное, постарался помочь этим людям. Но на самом деле все зависит от конкретной ситуации.

Анни оборачивается ко мне с торжествующим видом.

– Видишь, мам? Тебе, может, и все равно, а вот мистеру Кейсу не все равно!

Покружившись, она исчезает в кухне. Я прикрываю глаза и слышу, как в мойке громяют металлические миски. Открываю глаза – Гэвин смотрит на меня с недоумением и беспокойством. Наши глаза встречаются, но тут же мы поворачиваемся к кухонной двери, откуда снова появляется Анни.

– Мам, посуда вся вымыта, – заявляет она, не глядя в мою сторону. – Я тогда прямо сейчас пойду к папе. О'кей?

– Желаю хорошо провести время, – бесцветным голосом отвечаю я.

Анни закатывает глаза, вытягивает из-за прилавка рюкзак и скрывается за дверью, не обернувшись.

Я снова встречаюсь взглядом с Гэвином, и мне становится еще неуютнее из-за тревоги в его глазах. Не хочу, чтобы он – или кто угодно другой – обо мне беспокоился. Мне это не нужно.

– Извини, – бормочу я и, встряхнув волосами, стараюсь сделать вид, что очень занята. – Итак, что тебе упаковать, Гэвин? У меня на кухне свежие черничные маффины, с пылу с жару.

– Хоуп? – окликает он, помолчав. – У тебя все нормально?

– Все прекрасно.

– По твоему виду так не скажешь. Я часто моргаю, не поднимая глаз.

– Разве?

Гэвин мотает головой.

– Ничего страшного, ты же имеешь право на плохое настроение.

Видимо, сама того не желая, я глянула на него довольно неприязненно, – судя по тому, как он вдруг залился краской:

– Прости, я не хотел... Я беру его за руку.

– Я понимаю, – говорю я. – Я все понимаю. И знаешь, я тебе благодарна.

Мы сидим молча, пока Гэвин вдруг не спрашивает:

– А о чем это Анни говорила? Я могу вам как-то помочь? Я улыбаюсь ему.

– Спасибо за предложение, но ничего не нужно. Он смотрит на меня недоверчиво.

– Это очень долгая история, – объясняю я.

– Я никуда не спешу, – отвечает Гэвин, пожав плечами. Я смотрю на часы.

– Но ты же собирался куда-то, разве нет? Ты же зашел за пирожными.

– Это не к спеху, – спокойно уверяет он. – Но дюжину печений возьму. Тех больших, с клюквой и белым шоколадом. Если ты не против.

Кивнув, я собираю с витрины остатки печенья «кейп-кодер» и аккуратно укладываю их в светло-голубую коробку, по которой идет белая с завитушками надпись «Кондитерская “Полярная звезда”, Кейп-Код». Перевязав коробку белой ленточкой, я протягиваю ее через прилавок.

– Ну и... – напоминает Гэвин, принимая из моих рук коробку.

– Тебе это действительно интересно? Хочешь послушать?

– Если ты хочешь мне об этом рассказать. Внезапно я понимаю, что и в самом деле хочу рассказать, поделиться происходящим со взрослым человеком.

– Ну, в общем, у моей бабушки Альцгеймер, – начинаю я. В следующие пять минут, пока я снимаю с витрины пирожки, пахлаву, корзиночки и «полумесяцы» и перекладываю их в прозрачные пластиковые контейнеры для холодильника или в бумажные коробки – для женского приюта при церкви, я успеваю поведать ему о том, что рассказала Маами прошлой ночью. Гэвин слушает очень заинтересованно, но у него буквально отвисает челюсть, когда я описываю, как Маами бросала кусочки пирога в океан. Я качаю головой:

– Чудно' это все, правда?

Гэвин как-то странно смотрит на меня и отрицательно крутит головой.

– Вообще-то нет. Вчера был первый день Рош а-Шана.

– Понятно, – медленно произношу я, хотя совсем ничего не понимаю. – Но какое отношение все это имеет к нашей истории?

– Рош а-Шана – иудейский Новый год, – поясняет Гэвин. – У нас есть обычай собираться в этот день у воды: реки, озера – или океана – и совершать обряд, который называется «таших».

– А ты еврей? – спрашиваю я. Гэвин улыбается.

– По материнской линии, – говорит он. – По воспитанию полуиудей-полукатолик.

– Ух ты. – Я гляжу на него с новым интересом. – Я и не знала.

Он поводит плечом.

– Ну, в общем, слово «*ташлих*» в переводе означает «ты сбросишь».

Тут у меня в голове будто звенит звоночек:

– Постой, мне кажется, бабушка вчера что-то похожее говорила.

Он кивает.

– Обряд состоит в том, чтобы кидать в воду крошки, символизирующие грехи. Обычно это хлебные крошки, но я думаю, что крошки пирога тоже подходят. – Помолчав, Гэвин спрашивает: – Думаешь, твоя бабушка проделала именно это?

Я энергично мотаю головой.

– Этого не может быть. Бабушка же католичка.

Не успев закончить фразу, я вдруг замираю, вспомнив, что два человека из тех, кому я дозвонилась в Париже, предложили мне навести справки в синагогах.

Гэвин поднимает бровь.

– А ты уверена? Может, она не всегда была католичкой?

– Но это дикость какая-то. Будь она иудейкой, уж я бы точно знала.

– Не обязательно, – возражает Гэвин. – У меня бабушка с материнской стороны, моя бабуля, была в концлагере Берген-Бельзен в Германии. Потеряла обоих родителей и одного из братьев. Ради нее я лет с пятнадцати начал работать волонтером и помогать тем, кто пережил холокост. Многие из них признавались, что поначалу пытались забыть свои корни. Слишком тяжело – помнить, кем ты был до того, когда разразилась катастрофа. В первую очередь это относится к детям, попавшим в христианские семьи. Но почти все они мало-помалу вернулись к истокам, к иудаизму. Это для них все равно, что возвратиться домой.

Я смотрю на него во все глаза.

– Твоя бабушка пережила холокост? – повторяю я, пытаюсь наконец осмыслить услышанное и собрать по кусочкам новый портрет Гэвина. – Ты работал с жертвами?

– Я и сейчас продолжаю это делать. Помогаю раз в неделю в еврейском доме престарелых в Челси.

– Но туда же два часа ехать, – поражаюсь я. Он пожимает плечами.

– Там жила моя бабушка – до самой смерти. Это место для меня кое-что значит.

– Ага. – Я не знаю, что еще сказать. – А что ты там делаешь? Как помогаешь?

– Даю им уроки, – просто отвечает он. – Живопись. Лепка. Рисунок. Подобные вещи. Еще сладости им привожу.

– Так вот куда ты едешь с нашими пирожными?

Гэвин кивает. Я только хлопаю глазами. До меня доходит, что Гэвин Кейс вовсе не так прост, как могло показаться, в нем открываются неожиданные грани. Интересно, чего еще я о нем не знаю?

– Ты умеешь... рисовать?

Он сидит, отвернувшись, и молчит.

– Слушай, я понимаю, странная эта история с твоей бабушкой, и действительно, не всему можно верить, – произносит он наконец. – Не исключено, что я попал пальцем в небо. Но, знаешь, многие из тех, кому удалось избежать концлагеря и скрыться, покидали Европу по поддельным документам, где было написано, что они – христиане. Что если твоя бабушка приехала сюда с фальшивым паспортом? – спрашивает Гэвин.

Я трясую головой.

– Нет. Это невозможно. Она бы нам обязательно рассказала. – Но через секунду понимаю: так вот почему все в списке Мамаи носят фамилию Пикар, хотя я всегда была уверена, что ее девичья фамилия Дюран.

Гэвин чешет затылок.

– А ведь Анни права, Хоуп. Тебе необходимо выяснить, что произошло с твоей бабушкой.

Мы с ним разговариваем еще целый час. Гэвин терпеливо обсуждает со мной подробности дела. Если Мама действительно выросла в Париже в иудейской семье, недоумеваю я, почему нельзя просто обзвонить парижские синагоги? Или связаться с организациями, которые занимаются судьбами жертв холокоста? Такие существуют, я уверена, хотя никогда прежде у меня не было причин ими интересоваться.

Связаться с такими организациями нужно в первую очередь, соглашается Гэвин, однако, по его мнению, мне вряд ли удастся найти там ответы на все вопросы. В лучшем случае, даже если я сумею разыскать имена из своего списка, мне сообщат дату и место рождения, возможно, дату депортации, а если сильно повезет – название лагеря, куда их забрали.

– Но о дальнейшей их судьбе там данных нет, – поясняет он. – А твоя бабушка, моему, заслуживает того, чтобы узнать все – узнать, что случилось с людьми, которых она любила.

– *Если* вообще дело обстоит так, как ты говоришь, – перебиваю я. – Мне все это кажется каким-то бредом.

Гэвин кивает.

– Я тебя понимаю. Но ты должна проверить.

Меня это не убеждает. Я упрямо отворачиваюсь, пока он рассказывает, что в синагогах записи могут быть более подробными, возможно, там подскажут имена выживших, тех, кто помнит семью Пикаров. Кстати, добавляет он, хотя после холокоста прошло семьдесят лет, даже сегодня не все соглашаются предоставлять информацию по телефону. Конечно, за послевоенные годы что-то удалось выяснить. Но до сих пор для многих переживших войну и холокост назвать подлинное имя означает предать человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.